

Танец с тенью

Автор:

Нани Кроноцкая

Танец с тенью

Нани Кроноцкая

Могущественные и прекрасные, страстные и откровенные – они живут не в сказочных мирах и других измерениях. Они рядом с нами. Присмотритесь внимательнее: может, ваш сосед дядя Миша из Рязани – ведьмак, а симпатичная девушка, каждое утро стоящая на остановке напротив – лисица? Драконы и маги, дриады и гномы, демоны всех мастей и калибров и оборотни – среди нас. Живут себе тихо и мирно, лишь время от времени спасая этот мир. Не верите? Тогда читайте и ничему не удивляйтесь. Цикл: "СемиСветики" Том 1.

Нани Кроноцкая

Танец с тенью

1. Голодранка за дверью

18 мая, вечер-ночь

"Вечность – это любовь, закаленная временем. У. Блейк"

Дверь входа в стационарный портал пространственных перемещений на Лубянке была зеркальной.

И отражающаяся в ней сейчас фигура с прискорбием констатировала:

«Ты облезлая дура, Ди». Грязная, тощая, издерганная белобрысая швабра с подбитым глазом, располосованной щекой, немытой головой и в одной кроссовке.

Брошенные напоследок сиятельным начальством слова: «С глаз моих долой, к бильбизам? подзаборным, так их разэдак, трижды за ногу о поребрик, глусуна? вам на коврик под дверью, видеть вас не могу больше, сил нет, в отпуск изыдите, брысь!» – могли означать что угодно. Она и слова такого не знала раньше – «отпуск».

Ночь, проведенную после «Драконьего разбора полетов» в подвале тринадцатого отдела Иной Инквизиции, никак нельзя было назвать лучшей ночью в жизни Венди.

Ничего приятного. Тривиальный разнос в исполнении вполне справедливо негодующего начальства. Никакой романтики.

Спросила дежурного по портальной: «Куда приличные иные ходят в отпуск, когда их туда послали?» Тот лишь ухмыльнулся: «Скажи еще спасибо, что он тебя вообще не развоплотил».

Отпуск. Ничего не значащее слово. Шесть букв.

Ладно. Как говаривал лучший друг ее, Валерино Гуло или попросту Лер: «Будем разгребать проблемы строго по мере поступления».

Сейчас ее насущными проблемами были серьезно искореженное и отчаянно болевшее лицо, отсутствие душа (она была согласна уже даже просто на раковину) и ужина (обеда и завтрака, и так второй день).

Ежели совсем перестать, наконец, врать хотя бы себе любимой, то пора уж было признаться: у нее сейчас были проблемы и посложнее, но их решения не предвиделось.

А потому решительной и твердой рукою Венди снова задвинула все самое сложное на самую дальнюю полку своего персонального хранилища личных проблем. Пусть постоят. Места на этих полках становилось все меньше, проблем все больше, а смелости в них разобраться у Ди так не прибавлялось.

Итак! Рваная ядовитыми суккубьими когтями морда, кромешная грязь, булькавший голодными трелями живот и внезапный отпуск.

Было неприятно. И вовсе не от того, что болтавшаяся на весу босая нога затекла, нестерпимо болевшее лицо стремительно продолжало опухать, а желудок зажигал изжогой.

Прежде всего тоскливо было от неожиданно настигшего, неведомого ей раньше чувства. Щемящего одиночества.

Еще одно новое слово в лексиконе Великой Ди. Одиночество.

С того самого момента, когда в ее далеком, как степной горизонт, детстве учитель и практически старший брат – Ладон – привел за руку грязного, избитого и злого мальчишку и назвал вдруг его Тенью Венди...

Нет. С того момента, когда она сама назвала маленького забияку и упрямца своим другом, и до сегодняшнего вечера она никогда не чувствовала себя одинокой. Словно и правда – именно сегодня Ди лишили тени.

Венанди никогда ничего не боялась, ни на кого не оглядывалась.

Она – Диана Яновна Дивина, полномочный представитель Федеральной Службы Безопасности, старший оперуполномоченный оперативно-розыскного управления, (тринадцатый отдел), инквизитор, лидер проекта «Возрождение». Инфинито?, Имморталис? и, судя по всему, вечный Интер?.

Она неизменно бралась за самые сложные из возможных профессиональных задач, блестяще их решая. Всегда. Бесстрашная, мужественная, решительная. Краса и гордость отдела. Легенда Инквизиции.

И вот теперь Великая Имморталис? и знаменитая Инфинито готова была рыдать от беспомощности, стоя на одной ноге и глядя на свое отражение в зеркале порталной двери.

И некому было добыть «из воздуха» вторую кроссовку. А еще лучше: закинуть Венди на плечо, чтобы потом, ворча, скрипя зубами, выслушивая ее недовольные речи, взять и унести в теплое место. Где накормить, утешить, уложить спать в теплую постельку. Так, как это всегда и бывало.

И где каждый раз находил он такие места?

Ди привыкла к этой заботе, незаметной и деликатной, как избалованный младенец привыкает к рукам матери.

И вот теперь ей было невыразимо страшно делать «первые шаги» в этом жестоком мире, не держась за «подол этой родительской юбки».

Она злилась на себя. И ничего не могла с этим поделать.

– Эй, белобрысая! Какого импа? ты тут висишь? Тебе в «Артек»? Прямой портал от нас только туда и в Питер.

Ди стоило немалого труда заставить себя очнуться.

«Точно! В «Артек». Найду там Арину, Лер что-то говорил недавно о ней. Вроде бы она там сидит сейчас куратором этого нового нашего гёза – Фила. Решено. Никто мне там не удивится, и даже накормят».

– Уже иду. Да, в «Артек».

Она подошла к полукруглому окошку дежурки.

– С собой не должно быть никаких артефактов, запрещенной литературы, вещей из красного списка. Получите ключ от комнаты в общежитии, распишитесь вот тут и тут. – Дежурный пихнул ей в руку отполированный руками иных витиеватый медный ключ и обтрепанное гусиное перо, предварительно окунув его в массивную чернильницу. Молча ткнул пальцем в последнюю графу на

грязной странице выдавшей виды амбарной книги.

– Все так, выпускайте.

– Как на свидание, вы все прямо летите, а после ломитесь обратно: «Заберите нас из этого кошмара!»

– Я вернусь сюда очень скоро, только милой, белой и пушистой. Ты лишь дождись меня, мой красавчик.

И подмигнула ему темным глазом. Одним.

– Вали давай.

Никакой субординации. Всего-то стоило кроссовку потерять, и знать они уже не знают, кто Венди такая. Вот был бы Лер, он бы... Эх.

Ди прохромала обратно к двери, энергично нажала на массивную ручку, а в ответ раздался громкий скрип. «Развлекаются», – успела подумать, ступая в давно забытую глубину порталного пространства стационарного перехода.

«Ну здравствуй, «Артек», я иду, принимай меня в мой первый отпуск!»

* * *

Венанди ожидала встречу с южной сказкой. Море, солнце, ветер...

Отнюдь: она и забыла, что на пути к солнцу был снова подвал, за ним снова дверь и кучка разношерстных молодых иных, стоявших в очереди на выход.

По разные стороны проема выходной двери стояла пара, командными голосами громко раздававшая распоряжения и ценные наставления. Своей самоуверенностью они заметно отличались от вновь прибывших. Справа стоял высокий блондин, чем-то неуловимо напомнивший ей Ладона, напротив него – невысокая рыжеволосая девушка, нетерпеливо потряхивающая копной густых, словно медных волос и озорно поблескивающая совершенно кошачьими

медовыми глазами.

«Арина? Ну конечно!» Ей просто фантастически повезло обнаружить подругу сразу на выходе из пространственного портала. За те краткие минуты, что ушли на дорогу сюда из Москвы, Венди даже успела придумать очень сложный план по ее поиску на практически бескрайних просторах «Артека», а тут такая редкая удача!

Хотелось завопить во весь голос, как в детстве, замахать руками и броситься навстречу, взлохматив конопатой мымре всю ее непослушную рыжую гриву.

Но Сиятельная Арина с новобранцами была строга. Даже сурова. Нещадно оттачивая остроту языка на вновь прибывших, она явно получала удовольствие от их неловкости. Курсанты мямлили, лепетали, заикались, краснели и выползали из подвала на негнущихся ногах в полнейшем расстройстве и смятении.

Когда подошла очередь Ди, молодой человек, державший в руках планшет, громко прочел, не глядя на нее:

– Боевой маг вне категории, ого, мультиморф. Аве, сиятельная Диана Яновна Дивина! Вы к нам с инспекцией или с какими другими заветными светлыми целями?

Ди открыла рот, громко выдохнула и закрыла.

Она только было продумала речь, собиралась врать, что она стажер или приехала на тренировки, а тут вдруг такая неожиданная осведомленность.

Арина же таращилась на нее так, как будто у Ди выросли рога, копыта, перепончатые крылья или – упаси Создатель – грудь пятого размера.

– О вас, сьерра Диана, еще час назад пришло уведомление от самого. – Он выразительно ткнул пальцем в небо.

«Час назад?! Я пятнадцать минут тому как решила сюда отправиться! Ягово начальство, как?!» На лице Ди явственно отразилась досада.

– Арина Клавдиевна, я не успел тебя предупредить, не думал, что такая высокая персона соберется так быстро, – парнишка окинул смешливым взглядом все еще стоявшую на одной ноге почти одноглазую и основательно потрепанную ее «высокую персону», – и что будет так мастерски замаскирована.

– Ди?! – Арина обрела наконец дар речи. – Какими воронами?!

– Древними, Рыжик, как мир.

Венди едва успела поставить на бетонный пол вторую ногу, избегая возможного падения. Налетевшая на нее подруга твердо вознамерилась всю эту неустойчивую одноногую конструкцию обрушить на негостеприимный бетон порталной – имя этим воронам: тупость, глупость и охота к перемене мест.

Не упали. Лишь основательно покачнулись.

– Арина Клавдиевна, на сегодня все. Надо бы отвести нашу высокую гостью в ее комнату, обустроить. Хотя... – Молодой человек снова пристально посмотрел на «маскировку» Ди. – Погодите, я закрою порталную и помогу.

Парень мелом нанес несколько охранных знаков на полу у входа в подвал, наложил охранный заклинание, потом со словами: «Меня, кстати, Вадимом зовут!» – вдруг подхватил тонкую и легкую Ди на руки и под ехидное хихиканье Арины вынес по лестнице прямо на ярко освещенную вечерними фонарями улицу Гурзуфа.

Вот теперь точно можно было кричать: «Здравствуй, отпуск, встречай же, «Артек», я приперлась!»

Она подхватила расплетающуюся белую косу зубами. Не привыкать.

Лер постоянно носил ее на себе, будто ноги у Ди были хрустальными, без усталости водружая девушку на свое могучее плечо, словно птицу.

«Где ты там, дружок мой? Надеюсь, Ладон наш свирепый тебя не сожрал. Может быть, тебе там даже получше, чем мне здесь, у моря в «Артеке», – подумалось неосторожно. Грусть снова скреблась, как голодная мышка на полке

в ее пустом доме.

И пусть это будет ее маленьким секретом.

бильвизы? – ??в немецком фольклоре злобные древесные духи, живущие внутри дерева и имеющие на больших пальцах левых ног серпы вместо ногтей????

?????глусун? – в фольклоре Южной Швеции агрессивная гигантская свинья с выпученными глазами и острой, как лезвия, щетиной???? ???? ? ? ????имп? – мелкий бес в европейском фольклоре и в фэнтези?? ??? ? ?? ??? ?? ?

??имморталис? – бессмертный. В мире Terrae (Земля) зарегистрировано несколько разновидностей бессмертия. Бессмертие души, бессмертие тела, бессмертие ипостаси и абсолютное бессмертие. Возможны комбинации. Точное определение форм имморталис возможно только по факту насильственной смерти. Единственным существом в мире Terrae (Земля), способным ощущать форму бессмертия физически, признан иной Клавдий, (Палач, инквизитор, лидер проекта «Возмездие». Инфинито. Инкарнатор. Интер. Имморталис.)

Идентификация формы бессмертия (idem) причислена к абсолютно секретной информации, доступна только Инквизиторам. инфинито? – бесконечность (лат) – сущность, владеющая комплексом способностей и знаний, позволяющим свободно перемещаться во времени и пространстве мира Terrae (Земля).

Используется в качестве вежливой формы обращения к иным высших категорий (великим). интер? – от лат. «между». Сущность, не владеющая генетически заложенными в ней способностями. Отличаются «проинтеры» (иные до инициации), «интеры» (инициированные иные, не постигшие своего предназначения) и «постинтеры» – те, кто отказался от службы своему предназначению.

2. Откровение дракону

18 мая, вечер-ночь. Москва

Единственное условие, от которого зависит успех, есть терпение. Лев Толстой

– Идиоты! – Казалось, от истошных драконовых воплей уже звенят стекла в окнах и закипает вода в чайнике. – Какие же вы идиоты!

– Прекрасные, молодые. Смелые, талантливые и полезные делу.

Валерино Гуло (для своих просто Лер) давно привык к латинскому «Валерию». Надпись «Валерий Михайлович Дивин», красовавшаяся на той самой папке с его личным делом, которой сейчас яростно размахивало начальство, даже радовала глаз. Красивая надпись. И папка красивая – толстая, наполненная описаниями его ратных подвигов.

Он сидел перед разгневанным начальником, полыхающим, как костер, и привычно отвечал смехом на драконьи угрозы, неспешно попивая свой остывший кофе.

Скоро Ладон накричится, ему полегчает, вот тогда и можно будет разговаривать.

А пока «великий и ужасный» Ладон пребывает в образе строгого Учителя, можно только сделать виноватый вид в ответ и тихонько посмеяться. Еще можно внимательно рассматривать самого дракона: его немного испорченный неоднократно сломанным носом греческий профиль, тяжелый подбородок с ямочкой, очень яркие, чуть навывкате голубые глаза.

«Или это он на меня их так выкатил?» Лер чуть не поперхнулся кофе от смеха.

– Ты меня слушаешь вообще, Гуло?

– Все уши прослушал, Сиятельный Ладонушка. Ничего толкового пока ты произнести не соизволил. Кстати, где Венди?

Ладон лишь подивился заданному в лоб вдруг вопросу. Он не спешил с ответом. Несколько долгих минут молча наблюдал за заметно занервничавшим Лером.

«А ведь Клавдий прав. Детки-то вдруг повзрослели и доросли до взрослых чувств. Только сознаваться себе самим в этом они, похоже, опасаются. И когда же мы их проморгали? Вот кто уж точно – идиоты!»

– Венди.... В надежных руках она. – Дракон с удовлетворением проследил за реакцией Гуло. – Не волнуйся, в ближайшее время ты точно ее не увидишь. После проваленной вами операции в «Заре», стоившей мне седых волос и сразу нескольких ценных сотрудников, я так думаю, некоторое время вам с Ди стоит воздержаться от личного общения. Мы так думаем.

Он нарочито громко сделал ударение на этом своем «мы», недвусмысленно намекая на коллективный разум гёзов «ВВ».

– Все же отлично закончилось? Обвинения предъявлены, подозреваемые задержаны. Дело закрыто, показатели раскрываемости повышены. А та драка... ну куда же с демонами похоти и разврата да без мордобоя, помилуйте нас уж, сиятельный. И сотрудников наберите теперь не лишь «компетентных», а еще и морально устойчивых.

– Ты так ничего и не понял или привычно кривляешься, Лер?

Гуло напрягся. Потер двумя пальцами выдающуюся выпуклость на спинке носа, что у простых смертных обычно выглядит как горбинка. Всем телом развернулся к собеседнику.

Оборотни, или морфы, или перевертыши, среди целого ряда талантов и способностей обладали одним, совершенно уникальным. Все они умели в совершенстве и весьма красноречиво изъяснять ход своих мыслей одними лишь движениями хищного тела.

Лер сейчас был как никогда выразителен. Секунду назад за столом сидел смеющийся, расслабленный молодой мужчина, лукаво поблескивающий красивыми зелеными глазами. Одно лишь едва уловимое движение – и перед драконом замер настоящий хищник. Напряженный, он свернул свое могучее тело в стальную пружину, будто готовясь к прыжку. Сжавший челюсти, чуть наклонив голову к плечу, водрузивший крепко сцепленные руки на стол, Лер был удивительно грозен.

– Поясни. Единственное, чего я понять не могу, это твою реакцию. Обычное дело. Сукубы, инкубы... Покуда все живущее рискует размножаться половым путем, им не будет числа. Похоть неистребима, как и жадность, предательство, зависть. Мы же справились. Хоть и не по вашему сценарию. Разве все дело в

этом?

Он тоже умел делать нужные ударения и недвусмысленно намекать.

Предписанный им всем «начальственный» план был провален с треском. Их с Ди вины в этом не было. Слишком много неучтенных обстоятельств – непростительных ошибок отделов аналитики и разведки.

– Лер, послушай. Видимо, я сейчас кажусь тебе истеричным невротиком, посвящающим ночи чтению нотаций несчастным подчиненным? Нет, дорогуша, я устал, голоден и весьма хочу спать. А сижу тут и пытаюсь достучаться до туманного твоего сознания. Зачем?

– Действительно? Может, привычка?

Лер снова расслабился, откинувшись на спинку кресла и забросив руки за голову.

– Идиоты!

– Цикличность утверждений проявляется. Водички?

Он начал демонстративно разглядывать лепнину на потолке.

– Лер, вы с Ди не просто прошвырнулись по самому лезвию смерти, играючи, в шаге от точки невозврата. Вы забрались на территорию, где игра всегда шла по чужим правилам и все карты крапленые. Отлично закончилось? Для тебя, друг мой, все только начинается. Веками хранимые тайны обнажены, процесс необратимо запущен. Пора вам начинать пугаться.

Дракон говорил, глядя в окно, тоном, больше подходящим для произнесения заклинаний.

– Что за фантазии, Лад? Ты о чем это сейчас мне так темпераментно вещал?

Гуло вдруг весело улыбнулся. Явно успел все обдумать, выстроить схему обороны, прикинул риски и почти победил.

– Она тебе снилась? – вдруг задал вопрос дракон.

– Кто, сисястая суккубиха, которую уделала Ди? В первый день – да. Но в сознание мое она далеко не пролезла. Мы изучали и многократно отрабатывали защиту от атаки демонов похоти, Лад, за кого ты меня принимаешь? Полгода подготовки к операции. Шесть месяцев жизни в тренажере. Не дети.

– К сожалению, верно. Я не о демонах. Ди тебе снилась?

Неожиданно, больно, не к месту. Лер не ожидал, никак не ожидал такого вопроса. Резко опустил глаза, сунул руки в карманы штанов, стал внимательно рассматривать свои колени.

– Хорошо, давай иначе. Она раньше тебе вот так снилась?

– Да, конечно.

– Ничего необычного?

Лад поморщился. Неужели ошибся? Не учел, просчитался, быть может?

– Не так часто. Не каждую ночь. Да, сны эти не повторялись всегда с такой точностью. Лад, конечно же, они были наведены. Я знаю как, знаю кем. Но это наше с Ди дело и только.

Дракон выразительно ухмыльнулся в ответ и вопросительно поднял бровь.

– Хорошо-хорошо. Мое дело. Только мое, персонально и личное. Так лучше?

– Нет, дорогуша, все не так просто. Этого вообще не должно было быть, и уж конечно – не с вами. Вы прошли специальную подготовку: тренинги, обеты, обучение. И все полетело под хвост сразу, с первых же дней, все насмарку и в пепел. С первого дня вы вели операцию вовсе безо всякой защиты. Выстояли? Выиграли? Считаешь, герои? Да вы идиоты! Вы рисковали собой, рисковали друг другом. Зачем? Чисто «подвига ради»? Все, утверждаешь, отлично?

Гуло медленно встал и подошел к окну. Пожал плечами, словно раздумывая.

– Уговорил, я согласен. Все плохо, но только со мной. Я не ты. Я не могу постоянно светить и греть все женские тела окрест и на целые континенты. Я оборотень. Существующий всю жизнь у ног девушки, которую люблю. Не живущий, как все, лишь дышащий. Я не имею права даже видеть ее во снах? Понял, у меня лишь место ее тени. Всегда. Так не лезьте мне в душу и сны. Все понятно?

За всю долгую историю их тесного общения Лер еще никогда не был столь многословен. И откровенен. Слово выплеснув на голову друга и учителя все накопившееся за эти годы, Гуло резко развернулся и направился к выходу.

– Куда ты?

– Куда может следовать тень?

– Нет. С сегодняшнего дня ты в отпуске. Кстати – отдельно от Ди, и это не обсуждается. Особенно в свете всего мной сегодня услышанного. Весь мир в твоём распоряжении. В портальной забери у дежурного сумку, там документы, золотая карта, инофон и жетон. Когда понадобится, я с тобой свяжусь. И даже не вздумай искать ее, слышишь?

В шаге от двери Лер задумался на секунду, усмехнулся и огромной черной росомехой выскользнул в дверной проем, оставляя остро пахнущую мазутом и уличной грязью одежду и ботинки на пороге личного кабинета сиятельного сьерра Ладона.

«Хорошо хоть лапу не задрал напоследок, паршивец! Или как там росомехи гадят...» – тихо рассмеялся дракон.

Он любил этих ярких и строптивых двоих, как своих детей. Они росли на его руках, и боль взросления вечных была его болью.

«Любит он. Ну конечно же, любит. Значит, я им всем только «свечу». Хотя прав он, хвостатый. Но от этого лишь только гаже». Ладон вздохнул, собрал оставленную Лером одежду и шагнул в Сумерки.

Шанс выспаться снова был им упущен. Сегодня уже однозначно.

3. Таракан и Терапевт

19 мая, утро. Гурзуф

"Не верь глазам своим! Они видят только преграды." Ричард Бах

Утро.

Впервые за прошедшие недели Венанди совсем не снились сны. Вообще ничего не приснилось.

И снова она ощутила щемящее чувство одиночества. Его не было рядом. Здесь, в этой комнате, как и во снах. И в мыслях сейчас тоже пусто. И не позвать никого. Это место свободно. Только твердая уверенность в том, что он жив, – это она ощущала, и остро. Утешительная уверенность, позволявшая жить дальше и дышать полной грудью.

Нет, совершенно не дело так начинать новый день. Вдохнула – выдохнула. Потянулась. Улыбнулась. Открыла глаза.

Солнце. Настоящее, южное, уже по-летнему жаркое, оно падало рваными лоскутами на стену, прорываясь через решетку кипарисовых ветвей. Май в «Артеке» – летний месяц. Лето всегда для нее было лучшим временем года. Только летом Ди ощущала себя в высшей степени сильной, волшебной, крылатой. Как само Солнце. Такая вот она, природа птиц – авеморфов. А когда два крыла за плечами, то и тараканы в голове неизбежны.

Кстати, вот и они – тараканы. По стене напротив полз крупный, толстый рыжий и усатый красавец таракан. Такие в мегаполисах больше не водятся, исчезающий ныне вид, антикварный.

– Иди-ка отсюда, красавчик. Ничего съестного у меня нет. А живность в гостиницах не приветствуется. – Венди показалось, что он прислушался.

– Неужто проснулись? Аве, сиятельная!

Звук мужского голоса заставил ее молниеносно и окончательно проснуться, подпрыгнуть на кровати, в ту же секунду вспомнить о неподобающем для подобного общества одеянии, состоящем из одних лишь трусиков.

Молниеносно завернулась в простыню, оглядевшись вокруг. Никого не увидела. Посмотрела на стену. Таракана там тоже уже не было. Показалось? Осторожно передвигаясь, сняла еще не успевшую высохнуть после стирки в умывальнике футболку, висевшую на спинке кровати. Со скрипом ее натянула. Так себе вид, но лучше казенной простыни в крупный горошек.

В широком панорамном проеме окна открывалась лишь одна узкая створка – со скрипом и болью. Ди осторожно выглянула на улицу. Высокие кипарисы упирались ветками прямо в стекло, закрывая комнату от прямого солнца. Никого.

– В девять часов завтрак. Тебе еще умыться, поторапливайся!

Низкий голос был бархатным, мягким.

– Кто ты? – Ди шлепнулась практически голым задом на деревянный стул.

– Твой друг, Венанди.

На столе снова важно сидел этот наглый рыжий шестиногий гость. Медленно шевелил усами.

– И как зовут моего... друга?

– Леонид.

Потрясающе. Таракан с львиным именем.

– А я увижу сегодня невидимку Леонида?

Она осторожно пощупала Сумерки – там никого не было. В реальности – только она, кровать, шкаф, стол, стул, холодильник и таракан.

– А ты уже оделась?

– Это важно?

Ди потянулась за джинсами. Раздался очень наглый смешок.

– Вообще я мужчина. Ну если вдруг ты не успела заметить, конечно.

– Заметить успела? Скорей, заподозрить. Все, я оделась, показывайся, раз уж назвался мужчиной.

И Ди с вызовом посмотрела на таракана.

Пауза затягивалась. Таракан шевелил усами, но в беседу больше не вступал.

– Ну же? Ты онемел от восторга, усатый?

– Усатый? – прогудел голос у нее за плечом, так близко, что Венди снова чуть не свалилась, теперь уже со стула и на пол.

«Проклятье! Я стала нервной, как будто лягушка», – успела подумать она.

И Венди увидала. Усов у Леонида не было. Была недельная щетина и восхитительные ямочки на щеках. Он ей улыбался.

– Только не говори мне, что гномов никогда не видела!

Он едва доставал миниатюрной Ди до плеча, будучи шире нее раза в три. Практически квадратный молодой гном в летнем камуфляже и ботинках военного образца, с шевелюрой кудрявых, рыжевато-медных волос и россыпью веснушек на весьма мужественном лице. Смеющиеся глаза, заразительная улыбка.

Гном внимательно посмотрел на таракана. Потом на Венди.

– Какой у тебя был приятный собеседник этим утром. Но это не я.

– Я...

– Не стоит. Времени осталось немного, а мне еще нужно привести тебя в некое даже подобие приличного вида: одеть, обаять, познакомиться, потом накормить и... список заданий я забыл на рабочем столе.

– А давно ли мы перешли вдруг на «ты»?

Венди очень понравился этот наглый, веселый тип, но с гномами нужно было сразу выставлять рамки дозволенного. Подземный народ уважал очень силу, уж так повелось.

– Пока я изучал свою скромность в твоём темном шкафу. Не волнуйся же, Венди: после того что я видел сегодня за утро, между нами не может быть просто секретов.

– А какими ветрами в мой шкаф занесло такого наглого гнома?

Нужно было срочно что-то с этим делать, а Ди лишь разбирал смех, и боевое настроение никак не возникало.

– Так сиятельная Арина собственной персоной шарахнула меня в Сумерки одной левой, приказав «сидеть как мышь» до вашего пробуждения. А мыши обычно в шкафах и сидят.

«Ага, уже «вашего» – отлично, давим дальше».

– Думаешь, и мыши тоже за девушками подглядывают?

Гном закатил к потолку озорные глаза, сцепил руки за спиной, качнулся с носков на пятки и заметил:

– Вы решили низвести меня до статуса лабораторной мыши в руках подружки вашей – сиятельной сьерры Арины? Если я не исполню все пункты ее длинного списка своевременно, то закончу жизнь, крутя колесико в клеточке.

– Давишь на жалость?

– Немного совсем. Я, скорей, констатирую. Предлагаю заключение взаимовыгодного партнерства. Я исполняю возложенные на меня обязанности вашего личного помощника, а вы ей меня не сдаете.

Он улыбался искренне и заразительно. Улыбка гнома действовала словно энергетик, бодря и улучшая настроение. Личный помощник, говорите?

– Пункт «обаять» мы из списка вычеркиваем.

– Да? А я уж было галочку поставил. По рукам?

Гном протянул Венди неожиданно большую и крепкую руку. Секунду подумав, она вложила в нее пальцы.

– По рукам. Что там по списку?

Леонид подошел к большому платяному шкафу, легко дотронулся до темной массивной двери, развернув ее зеркальной стороной к Венди.

Напрасно вот он это сделал. Колоритный образ облезлой швабры, продемонстрированный ей вчера порталным зеркалом в Москве, стал еще живописней.

Синяк сполз на щеку, распухшая бровь угрожающе нависла над глазом. Полосы глубоких царапин покрылись кровавыми корками, стягивая кожу. Роскошная шевелюра кипенно-белых волос, еще вчера заплетенных в ажурные косы, представляла собой две грязные банные мочалки. Мокрая футболка недвусмысленно облепила тонкий девичий стан, подчеркивая все его немногочисленные и скромные выпуклости. Венчали всю эту унылую композицию очень грязные джинсы и босые ноги.

«Н-да... хорошо, что Лер меня сейчас не видит. И хорошо, что я в «Артеке». Тут практиканты через одного из тренировочных боев такие живописные выходят. Самое мне тут место».

Тот факт, что старый друг Лер частенько видал ее в куда худших видах – слегка утонувшую, немного упавшую с крыши, замерзшую и с воем оттаивающую, вывернутую наизнанку многодневной морской качкой, тяжело раненную, из последних сил и неудачно обратившуюся, голую и босую – ее совершенно не смутил.

– Нравится? – ехидно спросил гном. – А отчего не морфируете? Регенерация же...

– Можно просто на «ты», разрешаю. Только никаких «красавиц» с «малышами». Это все на память о драке с суккубом. Их травмы так просто не лечатся. Придется долго еще красоваться, и будут потом еще шрамы.

Гном посмотрел на Ди с несомненным уважением. Внезапно.

– За что же тебя она так, если не секрет?

– Это я ее «так». Не секрет. За свою любовь, – сказала и поразилась.

Так просто оказалось это произнести. Впервые в жизни Ди заговорила о любви. И не страшно. И мир вдруг не рухнул.

– Ого. А я знаю способ все это вылечить. Быстро и безболезненно. Давай-ка тебя приоденем, покормим и восстановим твою красоту. Если уж любовь, то грех красотень эту прятать. И пусть облезет та суккубиха от зависти.

Говоря это, гном ушел в шкаф с головой. Оказалось, что, имея немалый размер снаружи, изнутри это мебельное чудо и вовсе было бесконечно огромно. Настоящая гардеробная с ассортиментом гипермаркета одежды. Все размеры, фасоны и расцветки. Леонид проявил себя настоящим деспотом с наклонностями топ-модельера. Но вкусом рыжий обладал безупречным, и, посопротивлявшись для вида несколько минут, Венди отдалась в его руки, не звавшие пощады.

Спустя полчаса Ди была уже одета в прекрасный песочного цвета брючный костюм из тонкой бархатистой ткани и тончайшую блузку. Волосы были расчесаны, разобраны «волосинка к волосинке», даже как-то почищены. На ступнях удобно сидели мягкие мокасины. Она себе уже даже немножечко нравилась.

А к ее рельефному лицу гном начал даже привыкать.

* * *

Позавтракав в кафе на набережной, недалеко от фонтана, они направились в центр Гурзуфа. На свежееотремонтированном здании висела леденящая кровь вывеска:

«Лазарет».

И ниже: «Ялтинская городская больница номер один, поликлиника номер два».

Гном повел Венди именно туда, и ее богатое воображение тут же услужливо нарисовало ржавые кровати, крашеные деревянные полы, стальные шприцы, ночные горшки и эмалированные утки.

Несмотря на обманчивую внешность юной девушки, практически девочки, Ди прожила очень долгую жизнь и повидала немало этих самых «лазаретов». Возвращаться в тот век не хотелось. Но гном был неумолим.

Внутри ничего похожего на выдуманный Ди «лазарет» не нашлось. Коридоры еще пахли свежей краской, всюду сновали улыбчивые люди в красивых голубых костюмах. На уютных диванчиках сидели редкие больные.

Венанди с гномом поднялись на второй этаж, к двери с чарующей надписью:

«Терапевт. И. Я. Аманс».

Ди поперхнулась от смеха. Затейливый такой в Гурзуфской поликлинике терапевт. Гном недоуменно на нее покосился.

– Леонид, он исполняет обязанности терапевта или любовника?

Гном удивленно поднял бровь. Не получив ответа, он поднял вторую.

– Аманс – это латынь, дорогуша, в переводе – «любовник».

– А, ну да, он же инкуб. Настоящий волшебник, доктор наук, поймать его на приеме невозможно. Я лично попросил его сегодня быть, завтра он в «Артеке», но там будет не пробиться. А потом усвистит опять в Москву до конца месяца, и все. Фьюить. Так что тебе повезло несказанно.

Ди вдруг поплохело. Даже голова закружилась от нахлынувших недавних воспоминаний.

– Снова инкуб?! Ты думаешь, мне было их недостаточно?

– Серый же он. И он же почти твой коллега, неужели не слышала?

– Слышала пока только об одном «светлом» инкубе. Очень серьезно сомневаюсь в самом факте его существования. А нельзя меня просто чем-нибудь «помазать и пройдет»?

– Тебя не муха крылышком стукнула, Ди. Тебя лапой шарахнула суккубиха вне категории. Иди, не трусь, он с разбегу не бросается, без разбору не кусается.

Осторожно постучав и не услышав ответа, Венди приоткрыла дверь.

Кабинет был оглушающе пуст. Никаких обещанных волшебных докторов с их говорящими фамилиями не наблюдалось. Был только стол с симпатичной зеленой лампой и кактусом возле. Стул, неожиданно роскошный, весь резной, с ножками в виде кряжистых деревьев. И больше ничего. Никаких кушеток, стульев для осмотра пациента, непременно нынче везде компьютеров на столе. Не было даже стопок карт пациентов – по старинке. Обязательной в кабинете терапевта толстой медсестры со сварливым характером тоже не было.

Куда она вообще попала?

– Диана Яновна, если не ошибаюсь?

«Да что ж за мода у них тут такая на невидимок!» – только успела подумать, как в шаге от нее из Сумерек вышел высокий мужчина.

Да. Несомненно, инкуб, только у них и бывают такие вот внешние данные. Когда увидел лишь раз – и тут же пал к ногам без чувств и без сомнений. Внешность – как лопата у могильщика. Странные ассоциации.

Доктор был невероятно красив яркой и очень чувственной красотой. От таких мужчин во все времена и на всех континентах женщины просто теряют рассудок. И голос: низкий, вибрирующий, он задевал самые тонкие струны женских душ. Как пишут в бульварных женских романах – «и бабочки порхали в животе».

Венди уже имела опыт общения с племенем демонов похоти и знала, чего можно от них ожидать. Точнее, чего ожидать от себя. И отреагировала на все представшее перед ней великолепие вполне профессионально. То есть никак.

– Здравствуйте. Это вы тот самый, практически легендарный И.Я.?

– Ипполит Янусович, очень даже приятно. Ах, оставь, ну какой «легендарный»? Аве, Ветерок. Присаживайся.

Она замерла. Похолодела. Один человек в этом мире называл ее так. Только один и только наедине. Не может этого быть. Не верить. Случайное совпадение звуков. Нет.

– Простите?

– Болит?

Доктор не просто смотрел на ее лицо своими ясными, цвета спелого меда глазами, он смотрел ей в душу. Глубоко. Туда, где действительно болело.

– Очень. – Не было смысла врать.

Он все знал. Все равно, что пытаться скрыть аппендицит от пристально смотрящего в твое разрезанное тело хирурга.

– Лечить? – Немного приподнял светлые брови. – Ты уверена?

– Облегчить.

Он смотрел на нее с таким теплым и нежным участием. Так смотрят на больных и блохастых котят, подкинутых в коробке на порог дачи.

– Ты не знаешь, почему у него не получилось, а она смогла?

– А вы?

Этот вопрос мучил ее с того самого момента, как на ее лице появилась выразительная метка от удара когтей губастой и грудастой суккубихи. Он не ответил.

– Скажи, а ты знаешь о своем клейме? Как так вышло? Носить метку Минервы непросто. Так долго – смертельно опасно.

Он снова лучезарно улыбнулся. Если бы не ужасающий смысл его слов, Ди обязательно бы улыбнулась в ответ.

– Клеймо? Метка? Быть того не может. Нас... меня осматривали миллиарды раз все наши лекари. Никто не видел? Только вам открылось?

– Знаешь... Эти штуки теперь называют имплантаты. Бывает ведь так: прижилось все отлично, годами сидит, никаких неудобств. А потом по каким-то причинам вдруг резко его организм отторгает. В твоем случае причиной отторжения может быть что угодно. Теперь вот – болит и ломает. Сама ощущаешь?

Клеймо Минервы. Да, она ощущала. И его, и боль. Почему сейчас, не вчера, а сегодня и вдруг? Венди ясно вспомнила искаженное яростью лицо суккуба. Та била ее изо всех сил, наотмашь и... не могла ударить. Метка Минервы работала щитом, прикрывая от страшных ударов.... А потом вдруг «сломалась».

– Отчего он не заживает?

– Это вовсе не то, что сейчас тебя волнует, не лги себе.

«Откуда он знает? Менталист? И сейчас он читал мои мысли?» Ее разум метался, как мотылек у ночной лампы.

– Не трясись. Я читаю эмоции, это часть моей работы. И сядь наконец.

– Меня волнует другое. Сказать не могу. Не получается. Болит.

Она подошла к роскошному стулу и упала на него без сил. Дрожали колени. Все тревоги и сомнения, тягостно мучившие ее в последние несколько дней, будто упали на голову плотным мешком и душили, давили, дышать не давали.

– Закрой глаза. Посмотри в себя. Видишь?

– Пусто.

– Позови-ка того, кого больше всего хочешь сейчас видеть.

– Тихо.

– Неужели все так безнадежно, Ветерок?

Прозвучавшее прозвище это полоснуло как меч. И она позвала. Того, кто так вот ее называл. В ком отчаянно нуждалась. Сначала робко, потом всей душой, всем сердцем, открываясь навстречу неведомым раньше чувствам. Так безнадежно и больно.

Ди вдруг ощутила: к ней медленно кто-то подходит. Услышала знакомые шаги. Шуршание знакомой старой кожаной жилетки. Запах. Этот запах. Он всегда пах лесом. Сосновым, солнечным, с мхами и ветром в вершинах вековых деревьев.

– Не вздумай открывать глаза и ничего не говори! – Прямо над ее головой раздался голос Ипполита. Зачем говорить? Ведь она не могла перепутать. Точно

знала: тот, кого Ди так звала, – он пришел, не оставил.

Нежные прикосновения шершавых пальцев на щеке. Погладил опухшую бровь, пальцы дрогнули, словно жалея.

Секунда – и легкое, как взмах крыльев бабочки, прикосновение горячих губ на саднящем лице. Боль сразу и вдруг отступила. Еще касание губами – ниже, к подбородку. Лишь краешек губ. Дорожка из едва ощутимых прикосновений. Пальцы остановились на подбородке.

Его дыхание становится все громче. Снова касание губами, нос к носу. Слегка потерся своим выдающимся горбатым профилем о щеку. Сколько раз она разглядывала его лицо? Сколько раз улыбалась украдкой... Держит рукой подбородок.

А Венди забыла, что нужно дышать. И думать забыла, лишь в мыслях пульсировал зов: «Лель, Лель, мой Олель».

Горячие, сухие, обветренные губы осторожно, будто боясь спугнуть, нашли ее рот.

Касание, словно стук в дверь.

– Можно?

Ее мир неотвратимо и окончательно переворачивался. Их мир.

– Да! – Она сама потянулась навстречу поцелую. Сама. Первый в ее жизни такой поцелуй. Немыслимо. Непостижимо, отчаянно.

С той минуты, как Ди принесла клятву в храме Минервы, она ни разу не пыталась ее нарушить, никогда не хотела. Решив оставаться в могучей ипостаси служительницы Девы, уверенно шла дорогой своей Богини. Сова – ее символ, жертва во имя чистого знания, без сомнений и сожалений. А теперь вот пришло время расти. Как учили служительницы богини: «Первую жизнь дева посвящает богине – прекрасной и чистой, стремительной и беспощадной. Вторую жизнь женщина вольна посвятить роли возлюбленной и супруги, матери и наставницы,

должна служить богине жизни, рачительной и мудрой, всесильной и милосердной. Третья жизнь женщины должна быть отдана богине смерти – старухе, повелительнице тайн и вершительнице судеб».

Пора была ей выходить во «взрослую» жизнь. «Да здравствуют любовь и вечность!»

Она призналась вдруг себе самой, что этот поцелуй был лучшим, что она испытывала в своей долгой и весьма насыщенной жизни инфинито. Был?

Мгновение – и ничего не осталось. За секунды долю до конца Ди открыла глаза, пронзенная мыслью о том, что это все – морок. Шалости демона похоти. Но даже этой самой малой доли хватило, чтобы Венди успела увидеть глаза. Его глаза. Те самые, завораживающие, со всполохами пламени в зеленом мху.

Необыкновенные. Поцелуй был самый настоящий, и целовал ее именно тот, кого звало ее сердце. Ее Лель, ее Олель.

– Страшно? – Доктор протягивал ей зеркало.

Из него на Венди смотрела... богиня. Она словно засветилась изнутри. Темные глаза полыхали льдистыми искрами, волосы блестели, светились белыми бликами и струились крупными волнами. Перламутровая кожа. Линии тела словно все округлились, сменив подростковую угловатость на непередаваемую прелесть юной женственности. От раны суккуба не осталось и следа.

– Что со мною? И как?

– В учебниках ты можешь прочесть, что физические повреждения, полученные темными демонами похоти, могут быть излечены лишь поцелуями демонов же, только якобы светлых. – Доктор мыл руки под краном в углу кабинета.

От этих слов Ди дернулась, как от удара. Перед глазами все померкло.

– Так это все вы?! – Она вдруг подпрыгнула и зашипела, как дикая кошка.

– Ты меня не дослушала. – Он был совершенно спокоен и даже насмешлив. Словно только что просто сделал укол или поставил градусник. – Не верь

учебникам. Их авторы ничего не понимают в любви. Я мог быть лишь его проводником. Но и целовал тебя не он сам, а лишь те его чувства, которые ты звала. Приходил к тебе не он. Приходила его любовь. Ты понимаешь?

– А он сам это видел? – Это все нужно было понять и уложить в голове.

– Не знаю. Не злись, я не знаком с ним лично, не могу все так быстро понять. Может, он просто решит, что это лишь сон или мысли его улетели: «Слегка размечтался».

– А... Что это сейчас, вот со мной?

Ипполит рассмеялся заразительно, сверкая медовыми глазами и белозубой улыбкой, обнажая неожиданные ямочки на небритых щеках. Он остановился за спинкой стула, нависая над Ди. Огромный, пышущий мужественной силой и какой-то озорной радостью. Уже успевший стать своим, таким родным и близким. Ему хотелось верить. Именно таким и должен быть иной доктор. Настоящим.

– А с тобой, малышка, случилась неизлечимая ничем болезнь – любовь.

– Я...

– Нет. С моей посильной помощью, конечно, но снял с тебя клеймо Минервы именно он. Отныне ты свободна. Теперь ты вот такая. Любуйся и учись быть новой Венди. Иди, тебя ждут. И не ври себе больше.

Он устало улыбался, снова смотря на нее своими волшебными глазами.

– Спасибо. Вы великий доктор, Ипполит Янусович.

– Беги, Ветерок. Впереди у тебя большая дорога, большое дело и большое счастье. Ступай. – Он махнул рукой, встряхнул копной золотистых волос, развернулся и снова отступил в Сумерки.

Венди вышла из кабинета, осторожно закрыв за собой дверь, и задумчиво посмотрела на гнома, терпеливо ожидающего под дверью окончания приема.

Тот, окинув ее очень внимательным взглядом, лишь присвистнул.

– Молчи. Я снова есть очень хочу.

– Пойдем. Хотя я бы, наверное, даже крепенько выпил.

Они молча спустились по лестнице, ведущей от больничного здания к улице, гном поймал такси и куда-то ее повез. Ди было сейчас совсем неважно куда. Слишком много мыслей. Нужно было все переварить и разложить по полочкам. Но сначала – поесть. Как настоящая птица, она привыкла заедать стрессы и волнения. Самое время было подкрепиться.

4. Зверь по дороге домой

18.05. Ночь. Москва-Санкт-Петербург

"Человек, в сущности, дикое, страшное животное. Мы знаем его лишь в состоянии укрощенности, называемом цивилизацией, поэтому и пугают нас случайные выпадения его природы." Артур Шопенгауэр

Уже выйдя из кабинета начальства, Лер понял, что идея «махнуть хвостом», обернувшись росомехой на выходе, была весьма эффектной, но не практичной.

Если бы он собирался покинуть Москву прямо сейчас, то самый короткий путь лежал через стационарную порталную в подвале Инквизиции. Портальная сеть была удобным изобретением иных, не требовала энергии для погружения в Сумерки, гарантировала быстроту перемещения, безопасность и точные координаты прибытия. Только в условиях ее использования был целый список: «С целью безопасности». И животная ипостась азеркинов? в нем не значилась.

А это значило, что придется либо топтать через всю Москву домой на четырех лапах, там одеться прилично, собраться и возвращаться на Лубянку, либо пройти через портал «в чем мать родила» и разгребать проблемы по мере поступления.

Первый вариант был практичным и правильным. Второй – безумным и неприличным. Само собой разумеется, Лер выбрал именно его. Не из-за тяги к эксгибиционизму, конечно – оборотней вообще не напрягал их обнаженный вид. Просто ему не хотелось оставаться в Москве больше ни минуты.

Прочь отсюда как можно дальше и быстрее.

Ноги сами несли его в подвал. Бетонный пол, окошко дежурного. Как назло, дежурила новенькая девушка – практикантка, судя по тонким чертам лица и неокрепшей душевной организации – ведьма. Судя по растерянному виду – только что заступившая на дежурство в портальной.

Голый, потный, волосатый молодой мужчина, оттиравший мокрое лицо от прилипших к нему темных завитков собственных волос, громко чертыхавшийся (судя по тону) то ли на греческом, то ли на латыни, практически до обморочного состояния ее впечатлил.

Закрыв лицо руками, нервно всхлипывая, она придвинула к нему журнал «Техника безопасности портальной сети», ткнув тонким пальчиком в графу «Инструктирован». Гуло поставил в потертом журнале широкий взмах подписи, хищно улыбнулся практикантке, чем вызвал еще более громкий всхлип: «Подглядывает, чертовка!» – и шагнул за зеркальную дверь портала, мельком взглянув на свое по-звериному могучее, покрытое россыпью синяков и ссадин тело.

«В Питер. Настроение как раз подходящее». Скрипнула дверь, заискрил контур портальной.

Переступая через порог выхода, Лер снова обратился. Его зверь был огромен и темен. Лишь редкие рыжие искры украшали черную кожу росوماхи.

Высшие антропоморфы физически многократно превосходят обычных, «тотемных» зверей своего вида. Гуло в своей животной ипостаси был размером с очень крупного волка.

Выскользнув из здания Управления Уголовного Розыска на проспекте Римского-Корсакова, в котором Питерское отделение Инквизиции занимало весь обширный подвал и первый этаж, Лер двинулся в сторону Васильевского

острова. Его путь лежал по улицам «культурного центра Северной столицы», но жителей этого города так просто не удивить банальной черной тенью, бегущей по сумрачным линиям улиц.

Пора белых ночей еще не наступила, город был непривычно пустынен и темен. Санкт-Петербург – город Сумерек.

Накрапывал дождь, нестерпимо пахло асфальтом, крысами, бензиновым духом автомобилей и черемухой. Северный май. Гуло снова пожалел, что предпочел путешествие зверем. Лапы ныли от соприкосновений с асфальтом, шкура намокла. Звуки спящего города, не тревожащие человеческий слух, росомaxe казались нестерпимо громкими. Прогрохотал новый трамвай. Шарахнулся неурочный прохожий, выводивший на ночную прогулку свою трусливую мелкую дворняжку, еще долго терзавшую слух Гуло писклявым лаем в спину.

Последний мост он пролетает широким галопом, успев поймать несколько вспышек телефонных камер из проезжающих мимо машин. Горожанам будет что завтра утром обсудить. Если не забудут.

Набережная, крутой поворот в сквер. Теперь можно скрыться в дебрях Васильевского острова, двигаясь дворами и проскальзывая в ниши подворотен.

* * *

Васильевский остров был его вторым домом. Давно, уже очень давно Венди пришла в голову шальная идея, радостно поддержанная Ладонем, и они рванули в Питер «учиться в Университет».

К его величайшему изумлению, поступила тогда не только она, Гуло тоже прошел бешеный конкурс, пусть одним из последних по списку, но был зачислен.

Зачем?

Ди вообще постоянно училась, следуя, скорее, импульсам интуиции, нежели руководствуясь разумом. Вот захотелось ей тогда. И непременно на геофак.

Романтика, глубокие знания, новые друзья. А он, как всегда, был рядом. Поначалу все именно так и было. А дальше их закрутил водоворот студенческой жизни, галимая, голодная романтика смутных лет. Когда выживали, торгуя сигаретами, моя подъезды и разгружая вагоны со спиртом. Весело, оглашенно, не оглядываясь.

Именно тут впервые в жизни Гуло увидел полные любви девичьи глаза, смотревшие на него, как на центр вселенной. Никогда до тех пор никто так его не любил. Первая красавица факультета, редкая умница по имени Надежда. Чуть не половина мальчишек курса была в нее безнадежно влюблена. Вторая половина была лучшими друзьями Нади.

Яркая, веселая. Она все умела, никогда не унывала. Что эта девушка нашла в смуглом, вечно сутулящемся, словно скрывающая могучий разворот широких плеч, неразговорчивом Гуло? Об этом знают лишь Мойры.

Рядом с ним она и сама замолкала, словно гасла. Лишь старалась находиться ближе да беспомощно заглядывала в глаза своими серыми глазами, как само питерское небо. Он всегда отводил взгляд. Она человек. Сильная, смелая, смертная. Достойная любви. Которую он не мог ей дать. Не принадлежа себе и будучи лишь Тенью.

Ди не понимала, что с ними происходит, удивленно наблюдая за Гуло и не пытаясь вмешаться.

Она сама давно привыкла быть в центре внимания. Будучи практически полной противоположностью Надежде – спокойной, уверенной в каждом своем слове и движении, женственной и невозмутимой, – Ди быстро нашла с ней общий язык, они сразу подружились. У них даже масти были контрастны – темноволосая, сероглазая Надя и Ди с ее кипенно-белой копной непослушных вихров и фиолетово-темными миндалевидными глазами – отголоском древнего Синташта?.

Жили девушки в одной комнате общежития, на втором этаже, в самом конце длинного, темного коридора. Две кровати, стол с настольной лампой, два стула, пирамида из «гостевых» табуреток, собранных однокурсниками, зеркало на стене, старый шкаф и рейка с крючками на входе – вот и весь нехитрый скарб их маленького дома.

Комната номер тринадцать, конечно же. Разве Венди могла поселиться по другому адресу?

Тот факт, что в Университет они с Венди поступали по документам на одну фамилию, снимал все возможные вопросы и недомолвки. Брат, просто брат. И забота о Ди была совершенно естественной и привычной. Непривычна для него была своя жизнь, вдруг заигравшая яркими красками.

Свои друзья, настоящие, надежные, проверенные временем и невзгодами. Верные, лишних вопросов не задающие. Девушка, всегда встречающая его улыбкой и светом в глазах. Любого: уставшего, грязного, несчастного, пьяного, голодного, – его всегда там ждали и любили. И ничего не просили взамен.

Был ли он счастлив тогда? Бесконечно. Сидя на крыше пятиэтажного дома на Васильевском с гитарой в руках и в компании себе подобных, горлопаня лихие песни на весь район, а потом идя через огромный город босиком, неся на плече Венди, сбившую о камни мостовых босые ноги.

Полевые практики и вскоре последовавшие за ними экспедиции. Самолеты, вертолеты, вездеходы, палатки и спальники. Алюминиевые кружки и пластиковые миски. Обязательный прямоугольник сидушки на поясе, именуемый нежно «напопником» – удобное изобретение двадцатого века, ставшее опознавательным знаком среди «своих», тех, кто видел мир за пределом незримой сети улиц. Протертые до дыр сапоги и кеды, застиранная до белизны энцефалитка и северный загар. Связки сушеных грибов и рыба, вялявшаяся прямо в палатках. Запах человеческого пота и дыма, невыветриваемый и несмываемый месяцами.

У его счастья было именно это лицо.

* * *

Надежда была рядом. По-своему счастлива. Он позволял себя любить, ничего взамен не обещая и не возвращая.

За годы жизни у него было немало женщин. Секретом для Венди это не было, зачем? Он же зверь, оборотень, молодой, полный сил и желаний. Да, с

непростым характером, но с великолепным хищным телом молодого самца. Девушкам этого было достаточно, большего он никогда и не предлагал. Наступало утро, ночная история заканчивалась, и его след простывал вместе с чувствами ушедшей ночи. Никогда не оглядываясь, только вперед.

С Надей все было иначе. Ей он не мог позволить быть несчастной, а потому мягко, но твердо пресекал все попытки сближения. Все, что она могла, – это быть рядом. Никаких прикосновений, только взгляды. Никаких надежд. Дружба. Только отчего так паршиво было ему на душе?

Когда лучший и главный друг Лешка Лебедев, сидя утром на крыльце очередного барака и разгоняя тяжкое похмелье, вдруг поведал ему о своей неразделенной и давней любви – Надежде, Лер дрогнул.

А извечная интриганка Ди, которой он поведал о неожиданной своей проблеме, тут же вдохновилась этим захватывающим сюжетом.

Лешка был надежным, талантливым, умным, добрым. Он походил на былинного русского богатыря: могучий, русоволосый, светлоглазый и красивый. Как выяснилось, Лебедев любил Надю уже много лет: за ней пошел в универ, за ней мотался по всему свету. Все понимал, «сердцу не прикажешь».

На друга Леша даже не сердился. И не ревновал, лишь грустно констатировал: «У нас даже не треугольник любовный с тобой, а неопределенный многогранник».

– Лель?, ты к ней совсем никак?

Они болтали вдвоем с Ди, закрывшись на черной лестнице факультета, у самого чердака, в своем личном, потаенном месте. «Курилка Дианы» – так сокурсники называли это место. Друзья знали: если вдруг эта парочка исчезла, можно смело искать их на ступенях лестницы. И то, что Дивины не курили, ничего не значило.

Азеркины на дух не переносили эту странную человеческую болезнь – курение. Запах, ощущения, в конце концов, расходы на нелепую привычку. Но «перекур» был не просто актом пристрастия к курению. Это был ритуал. «Курилка Дианы» была алтарем этого обряда. Вот и сейчас, пока остальные обедали, у Дивиных был «перекур» между парами и очень серьезный разговор.

– Никак, Ветерок. Совсем. Даже не пытайся меня сбавить.

– Меня бы так кто полюбил. Я бы, наверное...

– Что? – Его голос прозвучал вдруг странно, будто осип, короткий вопрос был произнесен почти шепотом. – Наверное – что?

Ди вдруг растерялась. И правда, что бы она? Вдруг бросила все и ушла на край света? А если сердце молчит? Вот и ответ: ничего бы она и не сделала. Вдруг поняла, посмотрела на стоявшего к ней спиной друга.

Лер словно взвалил сейчас себе на плечи неподъемный груз, тяжело дышал и даже больше обычного горбился. Повернулся. Блеснул в полусумраке глазами. Вдохнул, потер двумя пальцами свой выдающийся нос. Ди хорошо знала этот его жест. Он злился.

– Не сердись, Лель. Хоть помечтать я могу? – постаралась выдать улыбку.

– Это не вредно, пернатая. Только не привыкай к процессу, потом ломает.

– Ты у нас просто ледяной принц. Бесстрашный и бессердечный.

– Да? – шагнул ближе, пристально глядя в глаза. – А если нет?

– Ты же сказал, что никак... – Ей вдруг стало не по себе. Нехорошо, неправильно. Кольнуло, мысли скреблись: «Если нет? Это как? И к кому, это кто же – она?»

– Вот так. Должны и у прекрасного меня быть недостатки. Хотя, Ветерок, ну какой из меня герой-любовник. Ледяной принц? Именно. Только непонятно, почему принц. Так, подкидыш.

– Ну. Я же принцесса... – Вот в этом утверждении она никогда не сомневалась.

Лер усмехнулся.

– Нелогично. Тень принцессы не может быть принцем. Согласен на графа. Почти Монте-Кристо. Так зачем ты меня сюда притащила, за вручением титула? Явно же нет.

Он снова стал тем самым Гуло, какого она знала. От сердца даже отлегло. Показалось.

– Граф, ну раз ваша светлость не возражает, предлагаю план по осчастливлению двоих отдельно взятых прекрасных людей.

– Мелко играете, принцесса. Отчего не весь мир сразу?

– Отрабатываю навыки. Впереди вечность, мир подождет. А эти несчастные двое как раз под рукой оказались.

В сумраке лестницы Ди ярко блестела миндалевидными, цвета чернослива глазами.

– Они будут счастливы. Ну конечно. – Лер фыркнул, тихо рассмеявшись,

– Заставим. Не сомневайся. По рукам?

– А что мне остается, пернатая? Отказаться, чтобы ты потом и меня поволокла навстречу счастью, в крепком клюве, строго и принудительно? По рукам.

Она протянула ему изящную, словно точеную ладонь с длинными пальцами, украшенными тонким серебряным колечком – оберегом от воров-карманников. Он вдруг потянул ее на себя и медленно поцеловал руку, прямо глядя в глаза. Ди изумленно вздрогнула, уставившись на друга, и услышала шепот: «Привыкай, Ветерок». Сказал и исчез. Как и не было.

Он помнил этот их давний разговор, как вчерашний. Отлично все помнил.

Хулиганская затея Дивиных в полной мере удалась.

Леша с Надей были осчастливлены, сосватаны, поженены, хорошо пристроены, и вот теперь Гуло спешил в гости к самым лучшим своим друзьям. В тот дом, где

его всегда ждали. И неважно, что три часа ночи и дождь. Главное – в этом мире есть место, где непременно тебя ждут.

Десятая линия между Средним и Малым проспектом. Их дом, их окна. Лер проскользнул массивной тенью в подворотню их двора. Поколдовал с домофоном. Двор-колодец, последний этаж. Узкая лестница, бывшая когда-то черным ходом. Массивная стальная дверь.

Осторожно поскребся. Еще раз. Старый такс Ларс, на полставки работавший собакой четы Лебедевых, тихо зарычал под дверь. Гуло не любил собак, те непременно отвечали ему взаимностью. Но с Ларсом у них было заключен давний и взаимовыгодный договор о сотрудничестве. Они друг друга по-мужски уважали. Такса громко втянула воздух в щель двери и ушла, звучно топая когтями по ламинату. Звонить не хотелось, а свой комплект ключей Лер оставил на крючке, за дверь, в коридоре своей московской квартиры.

Спустя несколько минут раздались тяжелые шаги, сопровождаемые топотом толстых таксячьих лап. Дверь открылась. На пороге стоял огромный и заспанный детина, облаченный в синие трусы семейного покроя. Щурясь от света тусклого подъездного светильника, он несколько секунд внимательно разглядывал огромного черного хищника, понуро стоявшего прямо перед его дверью. Пес, стоявший рядом, молча вилял хвостом.

– Эк тебя, парень. Совсем все несладко? Заходи, можешь не разуваться.

Лер осторожно, стараясь не цеплять когтями звонкий ламинат, вошел в квартиру. Хозяин приглашающим жестом приоткрыл дверь в ванную, кинул полотенце на раковину.

– Сейчас принесу, что надеть. Уж извини, с моего плеча. Не шуми, Надя только недавно уснула, тяжело она ходит, плохо спит.

Закрыв дверь ванной за проскользнувшей туда росوماхой и ушел, сопровождаемый вездесущим коротконогим другом.

С наслаждением запрыгнув в ванную, Гуло обратился. Ноги ныли, голова раскалывалась, синяки и ссадины, полученные в бою с суккубом, не спешили заживать, вопреки всем законам антропоморфной регенерации. Его

потряхивало, давно не кормленный желудок ворчал в животе.

В приоткрывшейся вдруг двери возникла мужская рука, бросив на пол новые трусы, спортивные штаны и тапочки. «Все, что смог найти, уж прости, остальное завтра. Жду тебя на кухне». И рука добродетеля исчезла.

Самозабвенно смыв с себя всю грязь, реальную и воображаемую, надев раздобытую другом Лешей одежду, Лер пригладил пятерней непокорные вихры мокрых темных волос и взглянул на себя в зеркало. Синяки под глазами, густая щетина, унылый взгляд. Являться к Лебедевым в подобном виде уже стало недоброй традицией.

На небольшой уютной кухне горел свет настольной лампы. Друг разогрел остатки обеда в микроволновке, наделал целую гору бутербродов, поставил на стол личную чашку Лера, налил горячего, ароматного чая. Внимательно посмотрел на гостя и достал из холодильника бутылку водки, прихватив с полки пару хрустальных стопок.

Гуло поднял глаза на друга и согласно кивнул. Остаток ночи они провели за самым серьезным разговором в их жизни. Разговором, в котором не было произнесено ни слова. В словах просто не было нужды.

Под утро, когда Алексей собрался и ушел на работу: «Не могу я сегодня, экзамен. Пора идти издеваться над студентами», – а Лер только было прикорнул на диванчике в гостиной, появилась Надя, опухшая, растрепанная и тяжело беременная. Увидя Гуло, она вдруг дернулась всем телом, застонала и закрыла лицо руками.

Он сразу все понял. Удивительная женщина. Испугалась того, что разочарует его, не понравится. Впервые он видел ее не привычно-красивую, ухоженную и спокойную, а вот такую. «Брюхатую».

– О женщины. Хорошо, что обожающий Надю муж не стал свидетелем этой невероятно глупой сцены. Создатель, дай этому мужественному человеку сил и терпения.

Лер встал, подошел, отнял ее руки от лица, не отпуская и не отступая.

– Посмотри на меня, Надя.

Она прятала глаза, продолжая дрожать, такая щемяще... беззащитная, худенькая, с огромным животом, в махровом халате.

– Пожалуйста, посмотри.

Поймал взгляд. Она замерла, что-то в нем разглядев, и немного расслабилась.

– Ты очень красивая. Почему дрожишь? Кто посмел испугать эту лучшую женщину во вселенной? Рыбка, ничего не бойся. У тебя всегда есть мы. Твой могущественный муж и я, его верный оруженосец Валерий Дивин.

Рыбка. Ее милое прозвище. Так прозвали ее друзья: Надежда Рыбкина для них была чем-то схожа с золотой рыбкой – все проблемы ей близких людей эта Рыбка всегда «разводила руками». Весело и легко. А тут вдруг испугалась.

– Болтун. – Она улыбнулась и тут же заметно похорошела. Наде не шли грустные мысли.

– Никто еще не называл меня так. Ты несправедлива.

– Давно приехал?

Отобрала у него руки, присела на подлокотник дивана, привычно поправила волосы.

– Ночью. Мы с супругом твоим посидели. Прости, многое надо было обсудить. А я не спал почти три дня, ты позволишь продолжить? Иначе, боюсь, вы скоро меня потеряете.

– Спи, я постараюсь не шуметь. Если Ларс будет прессовать – гони нещадно.

Кинула пушистый плед, встала, напоследок задержав взгляд на бугристом торсе гостя, закусила губу и исчезла.

Лер тут же провалился в сон без сновидений, лишь успев подумать: «Коротконогий гад, он все же отобрал мою подушку».

Азеркины?, Иные (англ. otherkin, от other – «другой», kin – «род»), или иные – существа, имеющие, как минимум одну ипостась, в дополнение к биологической – человек обыкновенный (ангелы, древние боги, вампиры, ведьмы, демоны, драконы, духи, кицунэ, колдуны и маги, ликантропы, морфы (оборотни, перевертыши), полубоги, титаны, боги). Ведьмы, маги и колдуны считают таковой свое сумеречное преобразование: боевое или бытовое.

*Олель – имя собственное происходит от древнеславянского имени «любимый» от («о»– около, рядом).

5. Тот самый Фил

20 мая, вечер. «Артек»

"Не говори, куда идете, пока туда не закончится путь." Норвежская поговорка

– Сиятельная... Ау! Сьерра Венанди, вы меня слышите? Тук-тук.

– А?

Ди мечтательно доедала четвертое кряду пирожное. На столике стояли еще две корзиночки с вишней, креманка с мороженым, кофе глясе и молочный коктейль с шоколадом.

У девушки стресс, и Венди должна с ним бороться.

– Я говорю, тебе настолько надоел я, прекрасный во всех отношениях, что решила скормить ты мою тушку своей этой свирепой подруге Арине? И не стыдно? А гномов все меньше. Мы почти вымирающий вид азеркинов. И уничтожение такого замечательного во всех отношениях племенного экземпляра, как я, нанесет ощутимый удар по всем гномам этого мира.

Гном, уныло наблюдавший за всем этим ее кондитерским беспределом, сидел напротив, подпирая небритую щеку ладонью.

– Ты о чем это прямо сейчас мне столь проникновенно вещаешь, надежда народа?

– Через пятнадцать минут сиятельная сьерра Арина ждет нас в столовой «Лазурного». А мы где? А проход Сумерками в «Артек» у нас только через порталную. А порталная где? Все, гибель неминуемая вскорости ожидает весь наш гномий род. На вашей совести его исчезновение.

Под причитания гнома отлично думалось. Он вовсе не мешал, тихо шуршал только, как море, что плескалось в нескольких метрах от их столика.

Надумать Венди успела уже немало. Повспоминать успела всласть и попечалиться. С каждой новой мыслью желание подсластить нелегкий умственный процесс новыми десертами становилось все ощутимее.

«Столовая? Я слышала, что в «Лазурном» нынче роскошно кормят. После реконструкции, говорят, там творится нечто невообразимое. Там и долечусь. Заодно и поплачу Арине в жилетку, она поймет», – подумала, развернулась к страдающему Леониду, вставая и попутно запихивая корзиночки в рот, залив их остатками кофе.

– Поскакали.

– Как?!

Гном выпрямился на стуле, словно не веря своему счастью.

– Цок-цок по дорожке.

Зазвонил инофон. Как она ни сопротивлялась вторжению технологий в свой мир, должна была признать: гаджеты, производимые темными корпорациями, были восхитительно удобны и надежны. Один из них, тонкая полупрозрачная пластинка которого нежно вибрировала в ее кармане, был новогодним подарком Ладона. Судя по нежному тону вибраций, звонила Арина, легка на помине.

– Спите, что ли, вы там? Где этот мой рыжий олух?

– Таракан?

– Как, вот уже? Зачем же ты так его сразу? Ди, он мне нужен ужасно! Да ну как же вот так-то?!

Волновалась. Ди включила разговор на режим громкой связи, отметив весьма самодовольное выражение лица у все еще сидевшего за столом гнома.

– Или ты о моем великолепном помощнике, буквально спасшем меня час назад и продолжающим восхищать меня терпением, тактом, силой воли – Леониде?

– А, да! Так ты не превратила его в таракана? Надо же, право, спасибо! То есть зачем ты меня напугала? Какие вообще тараканы?!

Гном сполз под стол, зажимая рвавшийся наружу хохот обеими сразу руками.

– Потом расскажу, ты в «Лазурном»?

– Собираюсь теперь выходить, вас обоих искать!

– Стой где сидишь, и мы скоро все будем.

В трубке раздался звонкий смех Арины.

– Стоя, сидя или лежа – дождусь. Давайте вот только скорее, не тяните до полдника, тут будет помесь дурдома с конюшней.

Ди подскочила, схватив оцепеневшего гнома за руку, выдернула его из-под стола и понеслась стремглав в сторону подземного перехода. Там был особый закрытый вход в портал, предназначавшийся только для сотрудников «Артека» – иного и кураторов, но Ди еще помнила все пароли от самых секретных мест «Артека».

На вход в секретный портал потребовалось несколько минут, и очень скоро они неслись по шикарной каменной мозаике площадок «Лазурного» прямо к заветной столовой.

К их великой радости, даже в многолюдном и многоголосом муравейнике пищевого блока найти Арину оказалось нетрудно. Ее пламенеющая макушка ярко выделялась в очереди с подносами. Ди нырнула под ограждение, на бегу высматривая десерты, предлагаемые меню, и надеясь, что тут нет особенных ограничений для таких, как она, обжорок. Никакого уважения к правилам здорового питания. Нет, ей все это не нужно.

Арина лишь снисходительно веселилась, наблюдая торжество ее кондитерской жадности.

– Вас в инквизиции совсем не кормят теперь? – шепнула ехидно на ухо.

– Скажу по секрету: это твой сиятельный папаня заморил голодом всю нашу группу, теперь вот скрываюсь. Ты меня спрячешь, прикроешь?

При упоминании Клавдия Арина слегка нахмурилась.

– Она так свой стресс заедает который уж час. – За их спины протиснулся гном.

– Это с девочками бывает.

Рыжий обнажил ряд белоснежных зубов в лукавой улыбке.

– Никогда не женюсь.

– Мы все за тобою записываем и предъявим при случае сразу. – Ди многообещающе улыбнулась, вспоминая недавние стенания Леонида о нелегкой судьбе продолжателя гномьего рода.

Набрав полные подносы, они прошли к столику у окна. Вид отсюда открывался восхитительный: пальмы, море, камни, волнорезы.

– Ты изменилась. – Арина с интересом разглядывала подругу.

– Состарилась уж наконец?

– Изумительно похорошела. Влюбилась?

Венанди поперхнулась куском вишневого пирога.

– Так заметно?

– Ага. Ты светишься, как рекламный щит на трассе. И кто же тот счастливец?

Венди смутилась. Счастливец ли? Сомнительное счастье... Неизвестно, рад ли будет он таким открытиям.

Зная Лера – серьезного, умного, бесконечно преданного делу, – уж скорее наоборот. Назовет блажью взбалмошной птицы. Грустным тогда будет счастье.

– Конечно же, я тот счастливец. Причем сразу же, с первого взгляда и напроць. Ты что же, во мне сомневаешься, сьерра Арина? – Сидевший напротив гном преданно воззрился на ведьмочку, невинно хлопая рыжими ресницами.

Ди была ему благодарна. Она не готова была вдруг озвучить подробности своей личной жизни, так внезапно возникшие. Не здесь, не сейчас и не в этом составе.

– О, я так и думала. Ты же у нас мечта всех девушек репродуктивного возраста. Когда на мне женишься-то, безупречный любовник?

Словесная пикировка этих рыжих была похожа на исполнение популярных частушек хорошо спевшимся дуэтом.

– Так ты старая, сьерра Арина. Зачем мне такая супруга, уж прости за банальность? Ровесница рода моих всех почтеннейших предков. Да еще и такого ума? Я согласен на роль воздыхателя Венди. И любимцем всех дам побывать мне еще бы хотелось. Просто мечтаю.

Улыбался он изумительно. Ди невольно залюбовалась гномом: такой непривычный, невысокий, широкий, Леонид был очень крепким, даже могучим.

Широкие плечи, перекаты мускулов, отчетливо выступавшие под одеждой. И совершенно нетипичное для представителей гномьего племени лицо: красивое, мужественное, с неотразимой улыбкой. Гибкие, даже хищные движения ее нового помощника лишь подчеркивали его необычность.

– Воздыхатель или любимец?

– По совместительству!

– Все же уволю!

– Начинай, сиятельная. Я готов к приключениям новым.

Сосредоточенно жуя и перебрасываясь шутками, следующие полчаса они были заняты составлением примерного плана внезапно свалившегося на голову Венанди отпуска.

К концу полдника, больше похожего на обед, настроение у всех заметно улучшилось. Теперь Ди чувствовала себя ощутимо потяжелевшей и столь же осязаемо подобревшей.

– Арин, нам бы с тобой поговорить, давай побухтим, как обычно?

Подруга удивленно воззрилась на Ди поверх высокого стакана с соком.

– Давно мы уже этим не занимались, я и забыла, когда в последний раз.

Венди тоже не смогла вспомнить, даже напрягшись. Давно это было.

– Есть идеи относительно места?

– Да, но мне надо подготовиться. Послезавтра пойдет?

– Потерплю. А что еще сегодня?

Арина задумалась. Достала из бездонной сумки планшет, что-то в нем поискала. Потом достала пудреницу, внимательно в ней себя рассмотрела, припудрила носик, поправила рыжую прядь на лбу.

– Ты уже знакома с Филом?

– Тем самым? Нет. Только слышала, что он тут, под твоим неусыпным... кураторством.

– Да? – Арина была явно обескуражена услышанными сплетнями. – И кто это болтает?

– Так вся Москва!

Венди уже было рассмеялась, но, увидев неожиданно напряженную реакцию ведьмы, утихла.

– Давай сделаем вот что. Вы сейчас с Леонидом найдете тренировочный зал в «Янтарном», и мы все встречаемся там через полтора часа. Пока можете големов погонять. Наши тренировки на техническом этаже, спуск сразу за раздевалкой, налево. Форму заberi в тринадцатом шкафчике, вот ключ, это мои комплекты, размер тебе подойдет.

И, не слушая возражений, Арина подскочила, бросила ключи на стол, подхватила свою легендарно-бездонную сумку и усакала навстречу «и солнцу, и ветру».

Ди с гномом переглянулись. Тренировка после столь сытного «полдника» была не самой доброй идеей. Но остановить саму великую Арину, погрузившуюся в состояние «мне тут в голову пришло», не смогло бы даже стихийное бедствие.

Они глубоко и синхронно вздохнули, встали и поползли в сторону «Янтарного».

* * *

Спортивный зал нашелся быстро. Территория «Артека», разительно изменившаяся за последние несколько лет, пестрила указателями и цифровыми

табло. Огромная электронная карта для гостей и новичков любезно давала подсказки всем нуждающимся.

Солнечный майский день, море, улыбающиеся дети и молодежь вокруг, фактически дворцовая роскошь нового «Артека», приятная тяжесть в желудке и здоровое тело – что еще нужно для счастья?

Вдобавок очень многое здесь еще хранило облик старого доброго лагеря и напоминало Ди ее собственную стажировку.

Да, времена тогда были другие: пионерские галстуки, костры, щебенчатые дорожки. Но солнечные улыбки и радушная обстановка «Артека» не изменились совершенно.

Даже воспоминания о жесточайших тренировочных боях с големами и дуэлях, о массовых боях без правил и на выживание лишь улучшали настроение. Тогда тут ковались характеры: кровью и потом, слезами. Оттачивались боевые навыки, рождалось настоящее мастерство. Синяки и царапины заживали, обиды и боевые оплеухи прощались, а из подвалов «Артека» выходила элита боевых подразделений азеркинов. Профи, бесстрастные и осторожные, здравомыслящие и рассудительные. Мастера.

Сколько раз ее шкурку спасали потом эти навыки? Всех их, конечно, спасали, и даже бесстрашного Гуло.

Ох, напрасно она снова его вспомнила. Сразу душу заскребли серые кошки.

«Големы, где вы, вышибите из моей головы всю эту дурь, очень вас я прошу!»

* * *

Уже час спустя идея исцеления от душевных недугов с помощью мордобоя ей начинала казаться фатальной тактической ошибкой.

Десять боев в Сумерках с нечистью. Десять разгромных поражений с последующим использованием старого доброго артефакта исцеления, возрождавшего ее из состояния расплзавшейся по сковородке отбивной.

Ноги, руки, тело, голова – у Венди даже волосы болели!

В животной ипостаси совы ее сносили первым же ударом. Приходилось драться в форме человека, вспоминая заклятия физической атаки, кидаться сосульками и ножами, зажигать классические фаерболы и скакать во всем доступным слоям Сумерек, как белке по деревьям.

Падение в реал, исцеление, энергетик, продолжение боя.

Надо бы вставать, опираясь буквально зубами на стратегически важные свои четыре точки, вопреки здравому смыслу и всем известным ей законам физики. Во что бы то ни стало. Жаль, хвоста у нее нет, и на него бы оперлась с удовольствием.

Стон, зубовой скрежет. Кольцо излечения работало все медленнее. Кровь разгоняется по жилам со скоростью улитки. «Яги! Я встану!»

Малодушно прислонившись к стенке зала, села. Сделала непринужденный вид, мучительно выравнивая дыхание. Рваные раны на плечах, следы когтей сумеречной гиены – голема – жестоко болели и кровили. Кожу вокруг них уже ощутимо пощипывало, это значит, что очень скоро и следа не останется от тренировочных травм на коже сиятельной Венди. Вдох – выдох.

– Эй, красотка. Ты точно боевой маг вне категории? – Улыбающийся во все зубы тип не был ей знаком. Хотя после событий последнего часа все окружающие ее «типы» начинали походить на големов.

Она ухватилась за протянутую мужскую руку, как цепляющийся за борт лодки утопленник. «Крепкая рука, мускулистая какая, кажется, морф», – подумала Ди и была тут же выдернута в Сумерки вот этой вот самой успевшей ей понравиться, рукою.

– Ты всегда такая доверчивая, боевая блондинка вне категории? – Он все еще смеялся, беззвучно и странно.

Именно в «Артеке» бои существенно отличались от всех других тренировок боевых азеркинов. Только тут разрешались «винегреты» – поединки без правил,

в которых не было ограничений по сторонам силы. В этих сражениях темные благополучно били темных, светлые самозабвенно мутузили светлых.

По окончании же этого воинственного безобразия юные бойцы всей радостной, веселой и многоликой толпой шли в Гурзуф, прихватив всех им встречных знакомых – отмечать блестящую победу или заливать пивом горькое поражение.

И не было способа лучше, чтобы познать все грани возможностей соратников по оружию и уязвимости непримиримых врагов.

Вот и теперь по разные стороны поединка встали два светлых иных, и табло засветилось бирюзово-голубым.

«0:0»

Бой начался. Таймер закрутил свой бег.

Увернувшись от очередного точного удара, не успевшая опомниться Ди вдруг весьма разозлилась. Достаточно ей было сегодня оплеух и подзатыльников. Нет уж, этой наглой роже, сияющей белыми зубами и серыми глазами, она ответит. Как боевой маг, как великая и древняя.

Удар, уворот, отступление в глубокие Сумерки.

Уклон, уворот, щит. Еще удар. Точно, выверенно, филигранно.

«Он все еще улыбается? Зато вид уже не такой самоуверенный! Не ожидал физическую атаку от хрупкой девочки, изодранной големами? А огнем? А шквалом? Снежным залпом? Еще? А вот так?»

Вид у противника действительно был уже не самый презентабельный.

Непокорные пряди пепельных волос стояли торчком. Через многочисленные прорехи в дымящейся серой униформе отливала многочисленными кровоподтеками и блестела потом смуглая кожа. Но он продолжал смеяться! Беззвучно, во весь рот, словно потешаясь над происходящим.

Щемящее ощущение тревоги с каждой минутой боя все больше нарастало. Предчувствие?

Нет, она не потеряла боевые навыки высшего мага. И тот факт, что Ди давненько не работала в спарринге с достойным противником, уже тоже не играл особой роли.

Пусть в каждом серьезном бою ее спину привычно прикрывал Лер. Лишь от удара когтистой лапой суккуба тогда, в санатории, он девушку прикрыть не смог. Нельзя так, пора вспомнить себя. Уж защитить-то себя она может, должна.

Стоило только лишь вспомнить о Гуло, и Венди тут же начала пропускать критические удары.

Не успевая, не доставая, проигрывая. «Яги! Пора это заканчивать».

Бой автоматически перешел в разряд дуэли, о чем любезно сообщило табло на стене зала.

А это значило, что схватка могла затянуться на несколько часов, до полной победы одного из противников. Временем дуэль не была ограничена.

– Диана, ну что ты творишь?! – раздался громкий крик.

Ди узнала в нем голос Арины.

Обернувшись, тут же получив полноценный ментальный удар, выбивший ее из Сумерек в реальность.

– Яги! Арина, и что можно творить в тренажерном зале «Артека»?!

«6:4»

Еще один пропущенный критический удар обернулся для Ди острым спазмом мигрени.

– Неплохо учат драться на курсах кройки и шитья, да, малышка? – и снова беззвучный смех.

Он опять веселился!

Ди разозлилась. Очень быстро и невероятно сильно разозлилась. В пучину такой ярости она не погружалась уже лет сто, не меньше.

В памяти вдруг всплыли все обидчики и враги, а в ее долгой жизни их было немало. Она сжала зубы, теряя последние капли рассудка и самообладания.

Парящая в Сумерках, пылающая гневом, как фурия, Венди была ужасна. И прекрасна. Уже всем казалось, что удержать ее от непоправимого шага невозможно. Никому не под силу.

– Остановите дуэль, и немедленно! – Рокот такого знакомого голоса заставил ее дрогнуть.

Удар высшим заклинанием в спину. Против него нет щитов и нет противодействия. Такой уровень доступен лишь немногим инкарнаторам. Наивысшим и всеильным.

Доктор Аманс собственной персоной.

Секунда – и оба участника поединка уже стоят посреди зала на коленях, под доской табло, как нашкодившие дети в углу на горохе.

– Венанди? Что это было?! Что вы себе позволяете, я вас спрашиваю?

Инкуб бушевал. Он был грозен: еще немного – и полетят гром и молнии.

– Но... Ипполит Янусович, это дуэль, и в «Артеке»... – проямлила было Ди.

– Я разговариваю с ребенком?! Как ты могла, объясни мне?

До начинавшей остывать от приступа ярости Ди стали наконец доходить его слова. Гнев высшего и сиятельного Ипполита был вызван вовсе не исходом боя.

Она только что стояла в шаге от непростительного.

Никогда. Никогда настоящие воины, не должны давать волю жажде крови и азарту убийцы.

И вольны скорее умереть, нежели бессмысленно разбить сосуд бессмертной души – живое тело из плоти и крови. Уничтожить противника, защищая жизнь – да. Но никак иначе.

Что привело ее к самому краю?

Теперь ей вдруг стало по-настоящему страшно: до помрачения рассудка, до скрежета зубового, до остановки дыхания. На губах тотчас отчетливо ощущался приторный вкус крови.

Вспышка перед глазами, и мир погас.

6. Исповедь за завтраком

19 мая, утро. Санкт-Петербург

"Если у тебя есть человек, которому можно рассказать сны, ты не имеешь права считать себя одиноким..." Ф. Раневская

Леру снился весьма странный сон.

Он сидел на вершине огромной скалы, свесив ноги в зияющую пропасть. Вокруг босых ступней кружились облака, цепляясь за края штанов. Красивые, плотные белые и кудрявые, они толкались, как молодые барашки. Гуло никуда не спешил, не бежал, никого не спасал – просто болтал ногами, смотрел сверху вниз и любовался облаками.

Хорошо! До того лишь момента, как одна из этих шаловливых тучек не высунула длинный и мокрый розовый язык и не лизнула им Лерову пятку, голую и беззащитную. Было очень щекотно и мокро. Гуло пнул вдруг обнаглевшего небесного лизуна, но тот только рыкнул в ответ и сладострастно продолжил вылизывание босой ноги, медленно переходя к пальцам, все решительнее прижимая ее короткой лапой.

Лапой?

Гуло открыл глаза. На его ногах восседал важный Ларс, категорически не похожий на белое облако. Такс сладострастно и бесцеремонно вылизывал голые и волосатые ноги гостя. Отчего-то не спешившие быстро заживать ссадины на стопах ныли и саднили от непрошенной «медицинской помощи».

Чуткий нос Лера уловил запахи свежего кофе, жареного хлеба, яичницы, колбасы и огурцов, наполнявшие комнату. Желудок громким урчанием тоскливо напомнил о своей пустоте, намекая на завтрак.

Процесс обращения в зверя и обратно или магический оборот – штука весьма энергозатратная. Неизбежные потери сил проще всего было компенсировать едой. Были способы и куда более приятные: секс, например. Только с некоторых пор Лер стал избегать пустых и быстротечных связей. Еще совсем недавно, кроме закономерного вполне любопытства, он испытывал некую смесь удовольствия хищника, поймавшего добычу, и чисто мужского удовлетворения. Теперь же – вообще ничего. Только акт, подзарядка и брезгливость. Стареет? Скорее, ему просто наскучили скоротечные, пустые связи. Равно как и пустые женщины. Все равно что годами есть одну и ту же кашу из разных тарелок и на разных кухнях, пресную и одинаково несоленую.

Тихо встав, Гуло увидел брошенные на спинку дивана джинсовую рубашку, такие же штаны и махровое полотенце. Хозяйка радушно позаботилась о госте.

Подхватив одежду, заглянул на пару минут в ванную, символически брызнув водой в лицо. Лер смотрел на свое отражение в большом зеркале над широкой раковиной и скептически морщился.

«Еще и похудел, весь высох как будто, скоро можно будет пришпилить в рамку, как сушеного жука, и повесить на стенку». Сегодня он себе не нравился. Что

такого в нем женщины видели, так сильно многих цепляющее? Только что разве глаза необычные – это верно.

Ди не раз повторяла ему: не посмотри она тогда Леру в глаза, никакие силы не заставили бы девочку подойти к пугающе грязному, избитому и яростно шипящему зверенышу.

Он всегда это помнил. Ему никогда не забыть тот судьбоносный момент, когда маленькая, худенькая, но очень серьезная Ди посмотрела ему прямо в душу и взяла сразу в плен, без единого удара выиграв это странное сражение.

«Ты когда смотришь вот так на меня, я как будто бы вижу костер на зеленом мху, в холодном туманном лесу», – так говорила тогда Венанди. Снова мысли о ней, совершенно ненужные мысли, терзающие.

Незачем мучить себя. Не сейчас. И не здесь.

Давно ему знакомая кухня встретила теплом, букетом вкусных запахов и сосредоточенно балансирующей на пирамиде из табуреток хозяйкой. Надя вкручивала лампочку в люстру под самым высоченным потолком.

Картина эта так потрясла Лера, что он даже не сразу понял, как среагировать на вид стоящей лишь одной ногой на неустойчивой опоре женщины, беспечно разменявшей восьмой месяц беременности. Бесшумно подкравшись к отчаянной сзади, Валерино поставил табуретку рядом и очень осторожно подхватил хозяйку под колени. Она ожидаемо вздрогнула, ее шаткая опора покачнулась, и вся хитроумная акробатическая комбинация обрушилась на пол.

Надя пару раз судорожно трепыхнулась в железной хватке рук Лера и замерла, тяжело дыша. С бесконечной осторожностью, словно драгоценную китайскую вазу эпохи Цин, он опустил ее на пол.

– Ты что это затеяла, золотце? Что за страсть к цирковой акробатике?

Наверное, тут ему было уместно рассердиться, испугаться. Но Лер лишь отрешенно вдруг подумал, что если бы его не оказалось дома сегодня у Лебедевых... Лучше не думать.

– Так темно же было. Лампочка перегорела.

– А если бы я не успел? Вот скажи мне, рисковая ты наша, с чего вдруг Надюша решила так изящно убиться и ребенка собой задавить? Скучно стало?

Он старался говорить тихо, вполне себе нежно. Тщательно подбирал слова, подавляя в себе возникшее вдруг внезапно острое желание оторвать ее от пола и трясти, как глупую тряпичную куклу.

– Я... Как-то не подумала. Отпусти.

Только тут Лер заметил, что держит Надю за плечи, схватив побелевшими от напряжения пальцами. Она стояла, сильно побледневшая, успев развернуться к нему лицом, и очень внимательно разглядывала его сжатые яростно губы. Резко отпустил.

Не успел отступить, как она сделала шаг к нему навстречу, упершись круглым животом в бедро, резко обвила шею тонкими руками и поцеловала. Остро, порывисто, как в ледяную воду нырнула, закрыв глаза.

Он не ответил. Не оттолкнул, не вырвался, просто замер, выжидая. Терпеливо дождался момента, когда она откроет глаза, и аккуратно ее от себя отцепил.

Криво улыбнулся. Поймала она его тут, успела. Никогда еще не ловила, а тут вот – подсекла, зацепила.

– Противна?

Надя вдруг крупно задрожала, казалось, даже зубами стуча от волнения.

– Не глупи, золотце. Нам давно нужно было нормально поговорить, прости меня, я осел.

– Ты росوماха.

– Ты... знала?

Вот неприятный сюрприз. Лер еще пару секунд назад был уверен, что тайна его многоликости известна лишь самым своим, очень близким. И то, что друг Лешка включил в этот круг избранных свою жену, не спросив самого Лера, было плохо. Очень плохо.

– Догадалась.

– Ага. Все вокруг заблуждались, а ты догадливая. Ладно, оставим это. Разговор наш совсем о другом. И ты мне не противна.

– Я заметила. Да, ну конечно, «ведь это – другое».

Все еще очень бледная, Надя мучительно пыталась взять себя в руки.

– Ай! – схватилась левой рукой за живот.

– Надя, сядь! Что такое? Мне мчаться звонить срочно в скорую помощь или вспоминать курс молодого бойца и готовиться принимать роды прямо тут, на дому? – Он старался казаться спокойным и даже шутить, но Леру мысль о принятии родов шуткой веселой совсем не казалась.

– Нет. Просто дочка напомнила о своем существовании, – Надя села послушно на стул, – прости, я и правда что-то не в себе сегодня.

– Ты сама-то завтракала или беременные барышни под потолком болтаться должны на голодный желудок? Мне сдается, на меня ты с голоду набросилась: «Гуло на завтрак мне, вместо омлета». Так ведь, да?

Натянуто улыбнулась и покраснела, покачав головой.

– Нет.

– Давай все же тогда поедим, тем не менее. Не сопи ты так носом и не заставляй Лебедеву-младшую нервничать. Тебе чай с молоком?

Она молча кивнула в ответ, пододвинула к себе тарелку, беспомощно подняла голову.

– Омлет на плите. Бутерброды в холодильнике, кофе... ты с кофемашиной справишься? Я опрокинула джезву, пыталась сварить тебе кофе.

– Думаешь, я одичал вот настолько?

Лер легко и даже элегантно хозяйничал на хорошо знакомой ему кухне.

– Надеюсь на твою осведомленность. Я боюсь эту конструкцию, а она так меня ненавидит.

Надя махнула рукой в сторону новомодного агрегата на столе.

– И робота пылесосного тоже опасаясь. Леша нашпиговал дом этими монстрами, у меня уже фобия.

«Шутит, немного расслабилась. Когда там муж Леша обещал к нам вернуться?»
Лер тихо, украдкой вздохнул и отвернулся к плите. Накрыв обильный завтрак на двоих, налил себе кофе и сел напротив Нади.

– Сейчас – только завтрак, не будем больше морить голодом стремительно подрастающее поколение младших Лебедевых. А после мне нужно тебе кое-что рассказать. Готовься к исповеди, золотце. Мне, как всегда, будет больно. С тебя – первая помощь Леру, так жестоко пострадавшему. Ты же добрая у нас, правда?

Надя, удивленно хлопающая глазами, молча кивнула и принялась за свой завтрак. Отложив вилку и потягивая остывший кофе, Лер смотрел на сидевшую напротив него женщину.

* * *

Она ела медленно, осторожно и очень аккуратно. Всегда так ела – все сокурсники уже мыли миски и собирались, а Надежда еще ковырялась в своем пайке. И все ждали, и никто ведь не злился. На нее вообще никто никогда не злился – все остальные свои дела Надя делала очень красиво, быстро и аккуратно, помогая всегда безвозмездно.

Почти не изменилась. Вид только очень усталый. Долгожданный первенец четы Лебедевых был должен родиться весьма поздним ребенком. Обоим супругам уже исполнилось по тридцать пять – научная карьера в самом расцвете. Известные ученые, состоявшиеся специалисты, крепкая пара, семья.

Он никогда и не спрашивал их о детях, даже не задумывался. А теперь и не спросит.

Сколько лет они уже женаты? Тринадцать...

Да уж, разговор этот никак нельзя было больше откладывать. Для Инфинити тринадцать лет – минута, а для смертных – куда больше, чем десятая часть жизни.

– Эй. Ты готова услышать покаяние оборотня? – Он откинулся на спинку стула, ласково улыбнулся.

– Нет. Но ты рассказывай, я слушаю. «Оборотень»... звучит неприятно и неправдоподобно. Будто ты мне тут собрался рассказывать сказки. Ну ладно.

Взяла чашку, напряженно в нее заглянула, обнаружив отсутствие содержимого, и просительно протянула ему.

– Как обычно?

– Да. С сахаром.

– Я пообещал тут тебе разговор, а сам не знаю, с чего начать.

– Тогда как обычно – с меня.

Она благодарно приняла из его рук большую чашку чая с молоком, полоснула по собеседнику оценивающим взглядом и погрузилась в процесс размешивания сахара, все так же упорно пряча глаза.

– Скромная наша. Ты ведь считаешь, что любишь меня? И давно?

– Всегда, сколько я тебя знаю. И не думаю, это очень глупый процесс – думать о чувствах. Просто знаю.

Гуло не стал садиться, подошел к окну.

Погода была обычной для северной столицы: серость, промозглый ветер с моря, морозящий дождь. Прохожие на улице, бредущие мимо окна, под зонтами уворачивались от холодных порывов морского ветра.

«Черемуховые шторма» – чисто питерское явление.

– А Лешка? Его ты как: «думаешь» или «знаешь»?

– Он мой друг. Как и твой, я надеюсь. – Она снова побледнела и начала кусать губы.

Ее губы, тонкие, четко очерченные, никогда не вызывали у Лера никаких мужских чувств. Как и вся эта женщина, ставшая вдруг невероятно чужой и враждебной.

– То есть ты, будучи в трезвом уме и рассудке, почти пятнадцать лет спишь с нашим общим другом, зная, что любишь меня?

Ему приходилось сейчас быть жестким. Разговор это случился очень не вовремя, некстати, но был неизбежен. Иначе они рисковали сломать еще одну жизнь. Еще даже не начатую.

– Да. Он отличный муж, надежный, добрый, щедрый, верный. Но люблю я тебя. Всегда любила, ты же знаешь.

– А теперь вот послушай меня, золотая рыбка, – он резко подошел к ней, всей своей могучей фигурой навис сверху, будто закрывая ей мир, – не меня ты «всегда любила», а придуманного Валерия Дивина. Не зная меня совершенно. Фантазерка. А знаешь, почему и зачем? В твоём представлении я был свободен. Инстинкт охотницы: бежит мимо олень и ничей, это как же так можно? Надо брать. Разве не так, не похоже? Я хорошо тебя знаю, живую, не выдуманную, без легенд и фантазий.

– Может быть, ты и прав, – внезапно она согласилась, очень сильно его удивив, – но это вообще ничего не меняет.

– Меняет, золотце. Ведь я не свободен.

Лер сел на корточки у Надиных ног и заглянул ей в глаза, поймав, наконец-то мятущийся взгляд, теперь полный сомнений.

– Да, ты же служишь, клятвы эти ваши... я знаю. Мы все принадлежим своей работе...

– Ты не поняла, Надь. Я всю жизнь преданно люблю одну женщину. Готов быть ее тенью. Всю свою вечную жизнь носить на руках, молча и преданно заглядывая в глаза ей лишь одной, как собака. И больше никто мне не нужен. У тебя просто не было шансов, совсем никогда, невозможно.

– Кто она?

Очень бледная, Надя пристально вглядывалась в его лицо, словно пытаясь найти ложь в его этих жестоких словах.

– Э нет, золотая. Неважно. Коллега, тебе этого достаточно. Видишь ли... мы, антропоморфы, оборотни или перевертыши, как вы, люди, наше племя называете, в своих привязанностях очень постоянны. Ваши сказочники даже придумали определение этой нашей черте: «истинная пара». Ну вот. И вариантов никаких других у меня уже не будет. Невозможно, анатомия у меня такая, физиология вида.

«Что он несет? Какая «истинная пара?» Последнему из читателей жанра фэнтези известно: согласно закону жанра, у оборотней любовь просто обязана быть взаимной. А у него что? Вечные страдания в режиме монолога? Но его правда эта Наде совершенно не нужна. Ну а он... помечтает, привычно».

– Что-то я раньше не замечала за тобой особенного постоянства, влюбленный Валерий. Помнится, через твою комнату прошла едва ли не вся женская половина Восточного факультета. Это снова «другое»?

«Злится. Отлично. Дело практически сделано».

– Тебя же это не трогало тогда? Хотя ты не знала простого: я зверь, я самец, причем хищный. У меня есть инстинкты. Мы так и живем: очень просто все смотрим на связи и отчаянно очень сложно – на свою любовь. Ты что же, хотела бы быть одной из них? Той, о которой наутро я даже не вспомню?

– Я хотела. Но ты не позволил.

– Не позволю и впредь никогда, даже и не надейся. Ты достойна большего: любви, семьи, детей. Вот этого, своего дома, а не вечного скитания на дорогах нашей войны.

– Да. Наверное, ты все же прав. А она тебя любит?

– Нет. И не знает и, думаю я, никогда не узнает. Такая вот история моя. С этого печального момента можно начинать оплакивать мою трудную долю и оказывать первую помощь несчастному Леру. Ты обещала. Хоть капельку жалко?

Вот зачем он ей это сказал? Почему не соврал? Почему не «жили долго и счастливо»? Не поверила бы. Уж больно он был убог для счастливого.

– Я передумала. Не компания старых друзей, а скопище идиотов. Подростков, которым всем по пятнадцать, с коллективной и затяжной гормональной ломкой. Мироздание, за что все мне это?

Закрыла лицо руками, не прячась, скорее, чтобы не видеть этот глупый и неправильный мир. Юность закончилась. Вот здесь и сейчас для одной маленькой девочки наступил ее конец. В тридцать пять? Бывают примеры и хуже.

– Полегче хоть стало? Ты злишься?

– Ужасно. Не люблю чувствовать себя дурой набитой. Так, мне пора собираться, через час мой прием у врача. Ты проводишь?

Лер молча кивнул.

– Возьми себе комплект ключей от квартиры в прихожей. Кстати, там и твоих висит связка каких-то. Заберёт меня муж, ждать тебе не придется. Полчаса нам на сборы, и побежали. Деньги и документы-то есть?

– Нет. Сегодня мне нужно явиться в «контору», забрать все. Вчера я... очень быстро пришлось к вам сорваться.

Она и так знала теперь слишком много. С этим тоже придется теперь что-то делать. Он подумает после.

– Возьми карточку на полке в прихожей. Код тридцать пять шестнадцать, там тебе хватит. Потом отдашь, кинешь просто на мой телефон. В шкафу спальни новая пара кроссовок, у вас с Лешкой вроде был один размер, бери их смело. Все, я покатила одеваться.

– Помочь?

Он всегда поражался ее способности быстро сосредотачиваться на поставленных задачах. Словно и не было только что разговора-исповеди, словно и не переворачивался ее мир. Рассудительная, даже расчетливая.

Да уж, это точно была не его женщина, даже в этом.

Молча выползла из-за стола, махнула рукой на тарелки, он понял, кивнул ей в ответ. Походкой уточки выходя из кухни, обернулась на пороге.

– А я знаю, кто эта она. Всегда знала. Не верила, себе самой не верила. Бог вам судья. И спасибо за встряску. Вовремя ты меня остановил. Теперь все будет хорошо, все встало на свои места.

Спокойная. Уверенная. Щурилась на него, как рассерженная кошка – очень зло и упрямо. Губы сжала в линию, спину выпрямила, широко расставив ноги – для надежности.

– Иди одевайся.

Лер собрал и помыл посуду со стола, убрал продукты в холодильник. В голову лезли разные мысли: нужно было ехать на Римского-Корсакова, в контору, туда уже должны были прийти документы и личный комплект. И надо бы перебраться к себе уже сегодня. Надя совсем не просто так упомянула его личные ключи.

Лебедевым сейчас ни к чему эта напасть в лице нервирующего ее Валерино. В хрупком мире маленькой семьи больше нет места для него. Рано или поздно это должно было случиться. Скоро их будет трое, дверь закрылась. И правильно. Впереди был сложный день.

Но главное – дело сделано, теперь только вперед.

Навстречу дождю.

7. Больничная койка

20 мая, утро. Гурзуф

"Жизнь – это небольшая прогулка перед вечным сном." Ф. Раневская

Недавний противник таки успел подхватить потерявшую сознание девушку на руки. Повинуясь безмолвному приказу Ипполита, Фил проворно вынес ее из зала. Следом за ними из здания выскользнул сиятельный инкуб.

– Продолжаем тренировку, не щелкаем клювами, желторотики! – Леонид громко хлопнул в ладоши, в зале запахло озоном.

Замершие в изумлении невольные свидетели произошедшего зашевелились, будто выдохнув, и продолжили тренировку. Арина, молча подхватив за плечо расторопного гнома, быстро и бесшумно вышла, махнув напоследок рукой кому-то из дежуривших кураторов.

На улице, в начинавших сгущаться вечерних южных сумерках, отчетливо виднелась крупная фигура быстро удаляющегося инкуба. Чтобы догнать стремительно двигавшихся к медицинскому блоку молодого мужчину с

белокурой Ди на руках и торопившего их Ипполита, Арине пришлось поспешить.

Быстро достигнув дверей медицинского блока, вся группа исчезла за ней. Рыжая ведьма, сопровождаемая гномом, чуть затормозила на входе, что-то тихо с ним обсуждая. Они постояли немного и тоже вошли.

Звуки из приемного покоя привели Арину к двери за поворотом, из-за которой слышались приглушенные звуки разговора.

– Фил, ну зачем ты вывернул из нее все это? – Голос инкуба был спокоен. О вспышке праведного гнева ничего не напоминало.

– Не знаю. Вы же понимаете. На меня у всех... – Он секундно замялся. – Реакция. Одних несет, как на исповеди в последние минуты жизни, других тянет на поступки, о которых и думать боялись. А третьи снимают маски. Вот такая она, эта ваша Венанди. Удивлены?

– А целовать ее сейчас вот было зачем? Тоже импульс? Или тебя самого встречно понесло? Вытри кровь на губах. – Ипполит протянул платок.

Собеседник инкуба, названный Филом, больше не смеялся. Задумался на миг, словно вспоминая нечто важное, принял платок.

– Тебе не стоило даже подходить к ней сегодня. Утром она была у меня и прошла через снятие печати Антэрос, слышал о таком?

– Каких тогда бешеных яг она оказалась здесь сразу после ритуала?! Это моя кровь на губах, она укусила. Не знаю вообще, что на меня нашло. Толком даже не помню.

Фил отчего-то побледнел. Серьезное и мужественное загорелое лицо, контрастирующее с серо-пепельными кудрями и холодными серыми глазами, вдруг приобрело зеленоватый оттенок. Мужчина заметно напрягся, все еще сосредоточенно о чем-то раздумывая.

– Скажите мне, что это было?

Сейчас он мало чем напоминал озорного противника Ди, смеявшегося над ней весь бой и так сильно ее этим разозлившего.

– Поцелуй? Что мы знаем о клейме Минервы? Тебя просто внесло на откате от древнего ритуала. Воронка времени. Никто не сможет противиться такому. И никто не знает, к чему приведет этот ваш поцелуй на крови. Там посмотрим.

– Ничего я не понял.

– Видимо, она опрометчиво решила сбросить все накопившееся на тренировке. И почти преуспела. Если бы не ваше столкновение и не твоя самонадеянность... А теперь у нее будет «откат», хорошо, если без последствий.

– А ее мужчина? Она... кого-то звала в ответ. Ответила на поцелуй, а потом глаза вдруг открыла и так посмотрела... Вот, губу мне прокусила.

– Когда у иных было с этим просто? – Ипполит вздохнул. – Вечно бродите в лабиринтах сложностей, созданных вашим же воображением. Условности и правила. Кому они нужны в бесконечной жизни? Всего-то и дел – жить по любви и по совести. Нет, норовите сидеть в клетках и биться в открытые двери. Ох. Я старею, похоже. Ворчу.

Он посмотрел на часы и обернулся к тихо вошедшим в двери приемного покоя Арине и гному, все это время безмолвно слушавшим разговор, звучавший у кушетки с Венди.

Арина шагнула к ним. Совершенно потерянно посмотрела на Фила, вздрогнула, заметив его прикушенную губу со снова выступившей каплей крови. Резко метнулась к нему, застыла.

– Фил, что она с тобой сделала?!

Ипполит закатил глаза и молча указал всем на дверь. Гном кивнул ему и осторожно вывел молодых людей за пределы палаты, обернувшись на пороге. Мужчины обменялись многозначительными взглядами, Ипполит лишь развел руками и вернулся к Ди, так и не пришедшей в сознание. Дверь закрылась.

– Можешь открывать глаза. Тебе хоть стыдно?

Доктор сел за стол и яростно принялся заполнять бланки осмотра пациента.

– Мучительно.

– Самое прискорбное, что Рафаэль тоже все понял.

– Рафаэль?

– Фил. Твой противник в этом... фарсе.

Инкуб выглядел сейчас как профессор, целый день принимавший зачет у непроходимо бездарных студентов. На его лице читалась вселенская усталость и смирение с глобальной тупостью.

– Фарсе? – Она была настоящей женщиной, всегда выделявшей из потока информации лишь то, что ей было понятно и близко.

– Венанди! Ну что мне с тобой делать?

– Выпороть?

Ди села на кушетке, потирая виски, опустила ноги на пол и обнаружила отсутствие на них всякой обуви. «Совершенно босая. Опять. Можно подумать, надо мной висит проклятье босых пяток».

– Экзекуции – это к палачу вашему, этому... Клавдию. Он у вас специалист по таким процедурам. Раздевайся.

На лице девушки явственно отразилась озадаченность.

– Зачем это? – поджала длинные ноги, обхватив прижатые к груди колени изящными руками.

– Диана Яновна Дивина. Вы поступили в приемный покой медицинской части «Лазурного» с множественными травмами, полученными в результате...

– Никаких травм, о чем вы?

Красноречиво тряхнула головой, так что белая коса взметнулась, пролетев прямо перед носом доктора.

– Хорошо, тогда по причине обморока. Так проще. Осмотр, кардиограмма, анализы, три дня стационара и выпишем тебя с диагнозом... астенический синдром.

– Это что за дикий зверь?

Вид у Ди был такой, как будто ей диагностировали бубонную чуму и назначили лечение посредством медленного и мучительного сжигания на костре. После допроса с пристрастием и комплекса пыток, разумеется.

– Усталость. А будешь чудить – назначу тебе не массаж, усиленное питание и физиотерапию с бассейном, а клистир, уколы и капельницы.

Ипполит явно что-то задумал, сразу расслабившись и повеселев. Глаза смеялись, он снова стал красавцем-инкубом. Брутальным и невероятно привлекательным.

Ди молча сидела на кушетке, мрачно уставившись в окно, и тоже пыталась «задумать». Хоть что-нибудь «задумать». Так хорошо спланированный ее первый отпуск уже грозил превратиться в тоскливый больничный. Что интересно – тоже впервые в ее жизни. В больницах она еще никогда не лежала. Время дебютов. Тоска и печаль.

Дверь в блок приоткрылась, впуская уже знакомую фигуру застенчивого гостя, и Ди получила наконец возможность рассмотреть его не в пылу поединка.

Там, в спортивном зале, он – высокий, жилистый, смеявшийся своим беззвучным смехом – походил, скорее, на юношу, стремившегося, отрастив недельную щетину, накинуть себе несколько лет для солидности.

Ее теперешний гость – молодой мужчина, задумчиво и очень серьезно ее рассматривающий – был совсем не мальчишкой. В серых глазах отчетливо читался не просто жизненный опыт. Перед Ди сейчас стоял человек, видевший смерть, неоднократно смотревший этой старухе в лицо. Его взгляд словно выметал из самых дальних и тайных закоулков души все, там украдкой припрятанное. Тайное. Запрещенное. Но Венди это больше не пугало. Самая страшная ее тайна не была чем-то постыдным или непростительным. Скрывать больше было просто нечего.

Фил вдруг улыбнулся.

Улыбка преображала его невероятно: смеясь, он казался совсем мальчишкой. Кудряшки, озорной взгляд, лучистый. Вот на эту свою особенную ипостась он ее и поймал.

В том злополучном тренировочном бою перед ней был совсем не ребенок. Фил – грозный противник, молниеносный, беспощадный. Но главная причина ее провала была даже не в том, что Ди недооценила его. Этот парень вызывал в ней неведомые доселе чувства. На поле боя она вдруг почувствовала себя... как на допросе? Или даже на исповеди. А теперь вдруг пришло понимание: этот странный квест Венди прошла. Впереди новый уровень отношений. Новый друг? Кто же он, этот непростой иной?

Вот этот рослый сероглазый парень.

Как там его? Рафаил?

Как Рафаил?!

Она буквально подпрыгнула ему навстречу.

– Лежать! – Ипполит одним движением руки уложил ее на кушетку, сковав все попытки воспротивиться.

Ее словно паралич разбил внезапный.

В эту же секунду Фил вдруг оказался между ней и инкубом, широко раскинув руки в защитном жесте и выставя щиты.

Он ее еще и защищает? За что, скажите, на бедную ее головушку весь этот день падают такие напасти: от таракана до этого «необычного» Рафаила.

За что?!

Да за идиотизм! За глупость ее несусветную, ставшую почти второй натурой Венанди. Где ее разум, где? Что с ней творится в последнее время?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kronockaya_nani/tanec-s-ten-yu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)